

Т. В. Агейчева

*Историографические
этюды*

Сборник статей

Т. В. Агейчева

**Историографические
этюды. Сборник статей**

«Издательские решения»

Агейчева Т. В.

Историографические этюды. Сборник статей / Т. В. Агейчева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507064-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сборник содержит очерки из истории исторической
науки и истории общественной мысли в России. Книга адресована
профессиональным историкам, студентам, а также всем, интересующимся
историей развития исторического знания в России.

ISBN 978-5-00-507064-7

© Агейчева Т. В.
© Издательские решения

Содержание

РАЗДЕЛ 1: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ	6
1. Алла Ервандовна Шикло. Биографический очерк	6
2. А. Е. Шикло – ученица И. Д. Ковальченко	12
3. А. Е. Шикло – труды	23
4. «Надёжному другу и товарищу по науке...»	29
5. И. Д. Ковальченко. Страницы биографии. Предвоенный период	32
6. «Пусть тот, кто бесстрашен и молод... к орудиям грозным встает»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Историографические этюды Сборник статей

Т. В. Агейчева

© Т. В. Агейчева, 2019

ISBN 978-5-0050-7064-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЗДЕЛ 1: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

1. Алла Ервандовна Шикло. Биографический очерк

Алла Ервандовна Арзуманова родилась 20 марта 1937 г. в г. Калинин (Тверь), где тогда работали её родители – Ерванд Михайлович Арзуманов и Елизавета Ивановна (в девичестве Варфоломеева). Незадолго до начала войны Арзумановы переехали в Москву, в район Перово и поселились сначала в Карачарове, у матери Елизаветы Ивановны, а через некоторое время в Кускове.

Военное лихолетье надолго разделило семью. Отец в 1941 году ушёл на фронт, был не единожды ранен, дошёл до Польши, до границы с Восточной Пруссией, окончил войну в звании майора, кавалером орденов Красной Звезды (сент. 1943г., май 1945г.), Отечественной войны I (дек. 1944г.) и II (июль 1944г.) степени.

После ухода на фронт отца, оставшиеся члены семьи отправились в эвакуацию и снова были разделены. Мама, бабушка и младший сын Альберт (Бетик) отправились в эвакуацию без старшей дочери, так как её забрала к себе тётушка, сестра Ерванда Михайловича Тамара Михайловна. Её муж – Павел Николаевич Пиголкин, был организатором производства боеприпасов, с 18 октября 1940 г. – заместителем наркома боеприпасов СССР. В 1941—1943 гг. он возглавлял часть наркомата, находившуюся в эвакуации в Челябинске, с октября 1943 г. служил в звании генерал-майора инженерно-технической службы. Супруги были бездетны, поэтому согласились помочь родственникам несколько облегчить бремя эвакуации. Таким образом, маленькая Алла в раннем детстве избежала голодных тягот войны.

Трудности, и какие, начались для неё после возвращения в Москву из эвакуации в 1944 г. Мама Аллы Ервандовны – Елизавета Ивановна, страдала открытой формой туберкулёза, которым заразилась во время войны. Она была лишена возможности полноценно заниматься домом и детьми, и нуждалась в особом жизненном укладе, который должны были обеспечивать и от которого зависели все остальные члены семьи. Семейство проживало на московской окраине, в Кускове, в коммунальной квартире, где занимало 2 комнаты в 3-х комнатной квартире, в доме дореволюционной постройки с печным отоплением, отсутствием коммунальных удобств и необходимостью носить воду из колонки на улице.

До возвращения с фронта отца основную часть нагрузки взяла на себя бабушка по материнской линии – Александра Устиновна. Однако огромную часть тяжёлой для ребёнка домашней работы должна была выполнять и Алла. Она носила воду из колонки, стирала в холодной воде (зимой обмороженные руки лопались до крови, распухали), занималась уборкой, работала, как многие жители московских окраин, на огороде. Вся полнота домашнего хозяйства легла на её плечи после смерти бабушки, в начале 1950-х гг.

Тогда же, в 1944 г. Алла Арзуманова поступила в первый класс школы №10 Московско-Курской железной дороги, которую и окончила в 1954 году.

Ситуация улучшилась с 1945 г. по возвращении с фронта отца. По сравнению с множеством других семей, потерявших близких, семья Арзумановых была полной, жила в чуть большем достатке. Ерванд Михайлович взял на себя значительную часть нагрузки. Он не просто содержал, как и положено, свою семью, но был источником подлинной любви и заботы. Соблюдение особого режима содержания больной в доме, обеспечение её полноценным питанием и витаминами, предотвращение заражения детей и купирование, в конце концов, болезни жены – это, во многом, его заслуга.

В 1954 г. Алла Ервандовна Арзуманова поступила на вечернее отделение исторического ф-та МГУ.

Выработанные в школьные годы свойства характера получили развитие в студенческие годы. В первые годы обучения Алла Арзуманова ездила в Университет из Кускова, совмещая учёбу на вечернем отделении с работой. Ей было труднее, чем многим её сокурсникам, но, по воспоминаниям её друзей, не было случая, чтобы она опаздывала на занятия или пропускала их без серьёзной причины. Занималась она очень серьёзно и целеустремлённо, много читала.

Вместе с тем, уже в студенческие годы во всей полноте проявился удивительный характер Аллы Ервандовны, те её качества, которые сформировались в детстве и юности. В течение всей своей жизни она щедро делилась с окружающими её людьми тем лучшим, что получила в семье от родителей.

В семье Арзумановых царила атмосфера любви, преданности, дружелюбия. Дом Арзумановых всегда отличался открытостью и гостеприимством. Соседская детвора, одноклассники детей – Аллы и Альберта, с регулярностью собирались именно в их двух крошечных комнатках в общей квартире. Бабушка, которую при иных обстоятельствах побаивались за строгость, раздавала гостям по куску хлеба с вареньем, превращая детские посиделки в настоящий пир. Одна из одноклассниц и близкая подруга Аллы Ервандовны вспоминала впоследствии, что жилище Арзумановых воспринималось детьми как их штаб-квартира. К Арзумановым «на телевизор» частенько заглядывали соседи. Таким гостям тоже никогда не отказывали. Позднее в гости к Алле Арзумановой «на пикнички» стали приезжать и её сокурсники. В тёплой атмосфере семьи Аллы Ервандовны молодёжь чувствовала себя как дома.

Ситуация не изменилась и с переездом в конце 1950-х гг. в отдельную квартиру на Щербаковской улице. Ерванд Михайлович любил принимать гостей. Он великолепно готовил, сам ходил на рынок за продуктами, выбирал самое лучшее. С удовольствием кормил семью и гостей – друзей своих детей. Друзья особенно приветствовали его фирменное блюдо – плов. Сам он за стол не садился, любил со стороны наблюдать за ходом трапезы, особенно любил, когда хвалили и просили добавки.

Алла Ервандовна с детства научилась дружить. Это был её особый талант. Первый тесный дружеский круг сложился и уже никогда не разрывался из одноклассников Аллы Ервандовны. Почти в полном составе этот дружный класс ежегодно собирался на её квартире. Традиция прервалась по понятным причинам только в начале второго десятилетия двадцатого века. Уже на первом курсе университета сложился другой круг ближайших подруг, который, вне зависимости от последующей специализации на кафедрах, не разомкнулся, дружба сохранялась до конца жизни Аллы Ервандовны и оставалась очень тесной. В конце концов, Арзуманчик (так называли её ближайшие друзья) объединила всех своих друзей – школьных и университетских, в одну компанию. За одним столом в её квартире собиралось человек по двадцать пять одновременно. Алла Ервандовна и после ухода из жизни отца сумела сохранить традицию вкусного и обильного стола.

Для всех близких ей людей Алла Ервандовна Шикло оставалась надёжным, верным другом в течение всей жизни. Она умела сохранять прочные дружеские связи многими десятилетиями с очень не похожими друг на друга людьми и в самых разных обстоятельствах. Она всегда была рядом, помогала в случаях, когда кто-то оказывался в трудной ситуации. Она была бесконечно далека даже от предположения о возможности предательства или обмана.

Вместе с тем, Алла Ервандовна была ещё и лёгким и весёлым другом. Талант самоиронии, полное отсутствие эгоизма, способность видеть забавные, красивые – разнообразные проявления жизни делали её лучшим компаньоном в самых разных предприятиях, от похода в театр или консерваторию, прогулок по старой Москве, дачных посиделок до какого-нибудь дальнего путешествия. Именно поэтому, если кто-то из постоянных членов компании уходил из неё, то это происходило только по естественным причинам независимо от их воли. Её дом

на протяжении долгих лет оставался местом притяжения и для друзей, и для коллег, и для её учеников. Рядом с Аллой Ервандовной всегда было очень тепло, надёжно и радостно, даже если приходилось переживать или обсуждать какие-либо житейские или рабочие проблемы.

По воспоминаниям друзей, уже в студенческие годы было понятно, что призвание Аллы Ервандовны – преподавание. Она довольно рано определилась, чего хочет. Будучи студенткой вечернего отделения, после непродолжительного опыта работы в качестве чертёжницы, с третьего курса и до окончания университета Алла Ервандовна работала в школе – лаборанткой и, затем, старшей пионервожатой.

Впоследствии она признавалась коллегам и ученикам, что саму себя рассматривала, прежде всего, как преподавателя, она неоднократно говорила о том, что не является учёным в классическом смысле, что она – высококвалифицированный преподаватель высшей школы, который занимается наукой для обеспечения высокого уровня университетского преподавания.

По окончании университета в период с 1960г. по 1961г. Алла Ервандовна работала в должности научно-технического сотрудника Института истории АН СССР, затем нештатного сотрудника Министерства иностранных дел СССР. На следующем этапе, в течение пяти с небольшим лет (1961—1966 гг.) она исполняла должность старшего научного сотрудника Главного архивного управления при Совете Министров СССР. Осенью 1966 г. Алла Ервандовна Шикло поступила в аспирантуру исторического факультета, а уже в декабре должна была отправиться в Индию, к месту службы мужа – секретаря советского посольства в Индийской республике. Таким образом, до окончания заграничной командировки осенью 1969 года, учиться в аспирантуре (1966—1970 гг.), сдавать экзамены, готовить материалы к диссертации приходилось «наездами», а защита самой диссертации стала возможной только в начале 1972 года.

Как учёный и педагог она сформировалась под непосредственным влиянием И. Д. Ковальченко и, безусловно, принадлежала его школе. «Мне очень повезло в жизни, потому что большая часть её – учёба в университете, научная и преподавательская деятельность – прошла в непосредственном контакте с Иваном Дмитриевичем Ковальченко – моим Учителем» – писала Алла Ервандовна¹.

Впервые Алла Ервандовна встретила с ним на вступительных экзаменах в августе 1954 г. (Исторический факультет располагался в зданиях университета на улице Герцена, ныне Большой Никитской улице). Затем, на втором курсе, она слушала его лекции по истории СССР XIX века, работала в его семинаре, а на третьем курсе, выбрав для специализации кафедру капитализма – в спецсеминаре.

Интерес к историографии как важнейшей, но, вместе с тем, недооценённой составляющей научного исторического знания обнаружился и развился также при непосредственном влиянии научного руководителя. Он читал курс лекций по историографии истории СССР на протяжении многих лет, с 1955 по 1975 г. Под руководством И. Д. Ковальченко была написана курсовая работа IV курса «Социально-экономические взгляды Ю. Ф. Самарина», дипломная работа по кафедре истории СССР периода капитализма «Решение крестьянского вопроса Ю. Ф. Самариним» и, наконец, подготовлена кандидатская диссертация – «Исторические взгляды Н. А. Полевого», защита которой на историческом факультете состоялась 04 января 1972 года.

Значительный первоначальный опыт вузовского преподавания она получила, работая в 1-м Московском медицинском институте им. Сеченова, где работала с 1969 г. и прошла путь от ассистента до доцента (с 05.10. 1977 г.) по кафедре истории КПСС, читала лекции и вела семинары по истории КПСС. С этого времени и в продолжение всей своей педагогической практики Алла Ервандовна активно занималась вопросами методики преподавания,

¹ Светлой памяти И. Д. Ковальченко. // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1997, №3. С. 19.

организации учебного процесса, повышения его эффективности, не обходила стороной вопрос не только о содержательной, но и учебно-методической стороне формирования учебной литературы.

На работу, на кафедру источниковедения исторического факультета она перешла только в 1978 г. при содействии И. Д. Ковальченко и сразу была привлечена им к разработке и чтению собственного лекционного курса по отечественной историографии, а также к совместной исследовательской и научно-методической работе².

Лекционный курс «Историография истории России с древнейших времён до начала XX в.» Алла Ервандовна читала вплоть до завершения своей преподавательской деятельности. Она вела семинарские занятия, руководила спецсеминаром для специализирующихся по кафедре студентов, читала спецкурсы, которые давали возможность более глубокого проникновения в вопросы научного исторического познания, теоретические проблемы историографии, общие и частные проблемы историографического процесса³ и, разумеется, выступала в качестве научного руководителя при подготовке дипломных работ⁴ и кандидатских диссертаций⁵.

На протяжении многих лет она исполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой по учебной работе, была членом методической комиссии факультета, членом учёного совета по защите кандидатских диссертаций.

Ещё в конце 1960-х гг. исходя из специфики содержания курсов источниковедения и историографии, наличия ряда научных и методических проблем, связанных с их чтением, И. Д. Ковальченко предлагал организовать периодические семинары для преподавателей, расширить подготовку через аспирантуру специалистов в области источниковедения и историко-

² Примером такого сотрудничества может служить написанная в соавторстве и опубликованная в №1 журнала «Вопросы истории» за 1982 г. статья «Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (Итоги и задачи изучения)». Ивану Дмитриевичу принадлежала та часть работы, где рассматривались теоретические вопросы изучения кризиса исторической науки обозначенного периода (вопросы причин, признаков, периодизации, смысла изучения кризиса), анализировались общие итоги теоретической разработки проблемы кризиса исторической науки в советской историографии. В части А. Е. Шикло на конкретных примерах – в трудах историков конца XIX – начала XX века П. Н. Милюкова и А. С. Лаппо-Данилевского, была опробована методика распознавания и демонстрации признаков кризиса в соответствии с теми представлениями о научных стандартах историографического анализа, которые в дальнейшей преподавательской работе и трудах А.Е. получили развитие и подкрепление и которые не утратили актуальности и в современном историческом знании. Одним из важных результатов сотрудничества стало также издание двух выпусков сборников «Материалов по истории исторической науки в СССР» (1985 г. (конец XIX – начало XX в.), 1990 г. (конец XVIII – первая треть XIX в.), где Алла Ервандовна Шикло выступала в качестве составителя и автора предисловий и примечаний, а И. Д. Ковальченко осуществлял редакцию и был автором Введений. В личном архиве А. Е. Шикло сохранился подготовленный к публикации третий выпуск сборника, в котором собраны материалы 40 – 60 гг. XIX века – работы К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьёва, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова. Составителями выступили М. А. Свищёв и А. Е. Шикло, редактором – И. Д. Ковальченко. Введение и примечания были написаны А. Е. Шикло. Кроме текстов С. М. Соловьёва на тот момент отрывки из работ указанных авторов предполагалось опубликовать впервые, однако, издание этого выпуска не состоялось.

³ В числе прочитанных Аллой Ервандовной Шикло спецкурсов «Категориальный и понятийный аппарат историографии как специальной дисциплины», «Историческая наука в 80-90-х гг. XX в.», «Историки о времени и о себе», «Россия и Запад в русской истории XVIII – XIX вв.», «Роль исторической науки в общественно-политической борьбе в России в конце XIX – начале XX в.».

⁴ Всего под руководством А. Е. Шикло подготовлено и защищено 36 дипломных работ историографической проблематики. В работах отражены разные стороны историографического процесса на разных исторических этапах. Среди тем дипломных работ – вопросы развития инфраструктуры отечественной исторической науки, инструментов научной коммуникации, теоретические вопросы исторической науки, персоналии, направления и течения в исторической науке, исторические взгляды представителей общественной мысли и деятелей культуры.

⁵ Под руководством А. Е. Шикло подготовлены и защищены кандидатские диссертации Володиной Т.А «М. О. Гершензон – историк русской общественной мысли» (1988г.), Вакулиной Е. Н. «Исторические взгляды И. Д. Беляева» (1990г.), Коргунюка Ю. Г. «Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н. И. Кареева» (1990г.), Есенгараева Е. Ж. «Научные общества и их роль в исторической науке XIX- начала XX веков (на материалах деятельности исторических обществ при московском и петербургском университетах)» (1991 г.), Масловой Н. В. «Проблемы историографии и источниковедения в научном творчестве Т. Н. Грановского» (1993 г.), Шульгиной Н. В. «Историческая концепция С. В. Ешевского» (1998 г.), Агейчевой Т. В. «Концепция интеллигенции и истории русской общественной мысли в трудах Р. В. Иванова-Разумника» (2001 г.), Ефремовой Е. В. «Концепция исторического развития России Ю. Ф. Самарина» (2001 г.), Серенченка Н. В. «Исторические и политические взгляды князя Н. М. Щербатова (фактор индивидуального социального опыта)» (2008 г.).

графии. Много лет спустя «доработка» этой идеи привела к мысли о возможности организации при кафедре источниковедения научного семинара для преподавателей, аспирантов и студентов, действующего на постоянной основе.

В практической плоскости идея созрела летом 1994 г. после защиты на историческом факультете очередной диссертации⁶. Первое заседание семинара состоялось уже осенью 1994 г.

Алла Ервандовна Шикло, будучи одним из учредителей семинара, оставалась его постоянным участником, формировала повестку заседаний, периодически выступала с докладами. Вне семинара на III Научных чтениях памяти И. Д. Ковальченко 1—2 дек. 2003 г. она выступала с сообщением о семинаре «Традиции русской исторической мысли».

Одним из значимых результатов работы семинара «Традиции исторической мысли» стало издание его трудов. К 2018 г. в общей сложности вышло 11 выпусков альманаха⁷. Алла Ервандовна была ответственным редактором и составителем, автором предисловия первого выпуска сборника трудов научного семинара «Традиции русской исторической мысли»⁸, членом редакционной коллегии во всех последующих выпусках, участвовала в сборниках со своими статьями.

Весной 2009 г. Алла Ервандовна Шикло – Ветеран труда (с 1986 г.), Заслуженный преподаватель Московского университета (почётное звание было ей присвоено 18 дек. 2006 г. решением Учёного совета МГУ) – приняла решение оставить университет и уйти на пенсию. Она руководствовалась рядом соображений, среди которых были, конечно, и соображения возраста и связанные с ним обстоятельства самоочувствия.

Уйдя из университета, Алла Ервандовна не оставила совсем научную работу, подготовила и опубликовала ряд материалов по историографии, участвовала в конференции памяти И. Д. Ковальченко в 2013 г., но главным образом она посвятила себя тому, что было ей интересно и чему она могла отдать всё своё время. Лето она проводила на даче, которую страстно любила. Правда, настаивала на том, что истинным мастером садово-огородных дел была её мама, а вот она сама в этом смысле – лишь её бледная тень. Будучи в широком смысле щедрым человеком, она черенковала, откапывала, привозила для своих друзей и знакомых то, что им приглянулось в её загородном хозяйстве. Алла Ервандовна любила путешествовать, и была прекрасным компаньоном в поездках в различных направлениях, разной дальности и в разных компаниях. Она очень любила музыку, в зал им. П. И. Чайковского, в Консерваторию, в Гнесинку на протяжении многих лет в обществе давних подруг ходила регулярно, заранее выбирая и приобретая абонементы. Конечно, она ездила в гости и с удовольствием принимала гостей, неизменно предлагая им какие-нибудь кулинарные новинки.

К лету 2014 г. значительно ухудшилось состояние здоровья Аллы Ервандовны, ей был поставлен страшный диагноз. Новость о неизлечимой болезни была воспринята ею с удивительным мужеством и как-то философски. Она рассуждала примерно следующим образом:

⁶ В качестве соучредителей научного семинара выступили, кроме А. Е. Шикло, Г. Р. Наумова и И. П. Смирнов. Соучредители предложили и название семинара – «Традиции русской исторической мысли», которое с течением времени претерпело трансформацию. На текущий момент семинар именуется «Традициями исторической мысли».

⁷ См.: Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1997; Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999; История мысли. Историография. М., 2002; Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. М., 2005; Философия хозяйства. Специальный выпуск. Декабрь 2006. Часть 3. М., 2006; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. М., 2009; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 2. М., 2010; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 3—4. М., 2013; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 5—6. М., 2018.

⁸ В предуведомлении к первому выпуску «Традиций» ответственный редактор и составитель А. Е. Шикло писала: «Мы посвящаем этот сборник памяти И. Д. Ковальченко. Ему мы обязаны своим интересом к проблемам историографии и методологии исторического познания. Побуждая нас к постоянному интеллектуальному труду, он всегда любил подчёркивать, что никому не дано сказать последнее слово в науке».

«Все люди уходят, и уходят по-разному, просто мне досталось именно так». Аллы Ервандовны Шикло не стало 4 октября 2014г.

2. А. Е. Шикло – ученица И. Д. Ковальченко

На кафедре источниковедения, вплоть до завершения своей преподавательской деятельности, лекционный курс «Историография истории России с древнейших времён до начала XX в.» читала Алла Ервандовна Шикло (1937 – 2014)⁹. Она вела семинарские занятия, руководила спецсеминаром для специализирующихся по кафедре студентов, читала спецкурсы и, разумеется, выступала в качестве научного руководителя при подготовке дипломных работ и кандидатских диссертаций.

На протяжении многих лет А. Е. Шикло исполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой по учебной работе, была членом методической комиссии факультета, членом учёного совета по защите кандидатских диссертаций.

На кафедре источниковедения исторического факультета она перешла в 1978 г. из 1-го Московского медицинского института им. Сеченова, где работала с 1969 г. и прошла путь от ассистента до доцента (с 05.10. 1977 г.) по кафедре истории КПСС. По сути, она вернулась домой, так как была выпускницей исторического факультета МГУ (1960 г.), ученицей И. Д. Ковальченко.

Как учёный и педагог она, безусловно, принадлежала школе И. Д. Ковальченко. «Мне очень повезло в жизни, потому что большая часть её – учёба в университете, научная и преподавательская деятельность – прошла в непосредственном контакте с Иваном Дмитриевичем Ковальченко – моим Учителем» – писала Алла Ервандовна¹⁰.

Дело здесь, конечно, не в формальной принадлежности к числу его студентов, аспирантов, сотрудников и соответствующей этой принадлежности самоидентификации.

Дело, во-первых, в том, что как историк – исследователь она сформировалась в логике и практике его школы. Дело, во-вторых, в том, что на протяжении всей её жизни, верность школе и признательность Учителю выражалась в воспроизводстве в профессиональной практике той модели взаимоотношений с учениками и коллегами, в которой в своё время существовал Иван Дмитриевич. Кроме того, выявление и сбережение неопубликованного научного наследия И. Д. Ковальченко¹¹, раскрытие смысла и содержания его школы в части науки историографии, историографическое изучение и популяризация метода И. Д. Ковальченко было одной из важнейших составляющих научного творчества А. Е. Шикло.

Впервые Алла Ервандовна встретила с ним на вступительных экзаменах в августе 1954 г. (Исторический факультет располагался в зданиях университета на улице Герцена, ныне Большой Никитской улице). Затем, на втором курсе, она слушала его лекции по истории СССР XIX века, работала в его семинаре, а на третьем курсе, выбрав для специализации кафедру капитализма – в спецсеминаре.

Интерес к историографии как важнейшей, но, вместе с тем, недооценённой составляющей научного исторического знания обнаружился и развился также при непосредственном влиянии научного руководителя. Он читал курс лекций по историографии истории СССР на протяжении многих лет, с 1955 по 1975 г. Под руководством И. Д. Ковальченко была написана курсовая работа IV курса «Социально-экономические взгляды Ю. Ф. Самарина», дипломная работа по кафедре истории СССР периода капитализма «Решение крестьянского вопроса Ю. Ф. Самариним» и, наконец, подготовлена кандидатская диссертация – «Исто-

⁹ Из более чем сорока лет своей преподавательской практики тридцать один год (1978—2009 гг.) Алла Ервандовна Шикло отдала кафедре источниковедения исторического факультета Московского Университета.

¹⁰ Светлой памяти И. Д. Ковальченко. // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1997, №3. С. 19.

¹¹ См.: И. Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания. М., 2004.

рические взгляды Н. А. Полевого», защита которой на историческом факультете состоялась 04 января 1972 года.

Впоследствии, перейдя при содействии И. Д. Ковальченко на кафедру источниковедения в 1978 году, Алла Ервандовна Шикло была привлечена им к разработке и чтению собственного лекционного курса по отечественной историографии, а также к совместной исследовательской и научно-методической работе¹².

Осмысление и освоение научного опыта И. Д. Ковальченко в части разработки им историографической проблематики, развитие его принципиальных, базовых идей и применение их в конкретных исследованиях легло в основу научно-исследовательской практики А. Е. Шикло.

Уже после ухода из жизни И. Д. Ковальченко, в работах, посвящённых его памяти¹³, Алла Ервандовна, помимо воспоминаний о личности Ивана Дмитриевича, предложила полноценный историографический анализ его научного метода, дающий представление о содержательной стороне школы И. Д. Ковальченко в части истории исторической науки.

Говоря об отличительных чертах его научного и педагогического творчества вообще и о разработке им вопросов историографии в частности, она особо отмечала, что первостепенное значение он придавал теоретико-методологическим аспектам исторического знания как определяющим его сущность. Как он сам говорил – из курса историографии у него «вышел» курс по методологии. В рамках его собственной концепции развития исторической науки, стержнем исторического познания является развитие теории и методологии – основы смены общих и конкретно-исторических концепций истории России. Методология определяет характер исторических воззрений и концепций, от неё во многом зависят успехи в накоплении фактического материала, совершенствовании методики исследования, расширении проблематики. Таким образом, историография только как трактовка теми или иными историками исторических событий может иметь значение лишь справочного курса.

Алла Ервандовна обращала особое внимание на признание Иваном Дмитриевичем социального характера исторического знания, необходимости соотнесения выводов историков с проблемами современности. Она отмечала, что именно он в своём спецсеминаре поставил задачи исследования исторического сознания, исторической психологии различных социальных групп российского общества.

Такой подход лёг в основу предложенной им периодизации истории исторической науки, а также понимания кризиса науки на рубеже XIX – XX вв. «Историческую науку необходимо рассматривать, писал он, не только в связи с общественной жизнью и общественными науками, а более широко через призму понятий „общественное сознание“, „формы общественного самосознания“, то есть „общественная идеология“ и „общественная психология“. При этом необходимо, подчёркивал И.Д., изучение всех форм общественного сознания, как научного, так и иррационального. „...“ он полагал необходимым разобраться в содержании понятий „исто-

¹² Примером такого сотрудничества может служить написанная в соавторстве и опубликованная в №1 журнала «Вопросы истории» за 1982 г. статья «Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (Итоги и задачи изучения)». Ивану Дмитриевичу принадлежала та часть работы, где рассматривались теоретические вопросы изучения кризиса исторической науки обозначенного периода (вопросы причин, признаков, периодизации, смысла изучения кризиса), анализировались общие итоги теоретической разработки проблемы кризиса исторической науки в советской историографии. В части А. Е. Шикло на конкретных примерах – в трудах историков конца XIX – начала XX века П. Н. Милюкова и А. С. Лаппо-Данилевского, была опробована методика распознавания и демонстрации признаков кризиса в соответствии с теми представлениями о научных стандартах историографического анализа, которые в дальнейшей преподавательской работе и трудах А.Е. получили развитие и подкрепление и которые не утратили актуальности и в современном историческом знании.

¹³ См.: Проблемы историографии в преподавательской и научной деятельности И. Д. Ковальченко. // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997, С. 157—164; Чтения, посвящённые памяти И. Д. Ковальченко. // Отечественная история. 1997, №4. С. 209—213; Светлой памяти И. Д. Ковальченко. Он любил то, что преподавал, и тех, кому преподавал. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997, №3. С. 15—19; Он любил то, что преподавал, и тех, кому преподавал. // История и компьютер. 1997, №20. С. 172—179; Академик И. Д. Ковальченко как профессор Московского университета. // Российские университеты в XVIII – XX века. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 186—197; И. Д. Ковальченко – учёный, педагог, организатор науки, человек. // История и историки. 2006. М., 2007, С. 319—343.

рическая мысль“, „историческая наука“, выяснить, что принято называть „философией истории“, „теорией и методологией исторического познания“. „...“ обратил внимание на необходимость изучения не только сложных проблем, которые относятся к самой исторической науке, но и на изучение различных компонентов инфраструктуры, то есть тех условий, в которых осуществляются её познавательные и социальные функции»¹⁴.

Не менее важным для Аллы Ервандовны было внимание, которое И. Д. Ковальченко уделял личности историка как познающего субъекта. «Историк всегда связан с определённой обстановкой, поставлен в определённые условия, его взгляды отражают прошлую и современную ему историографическую ситуацию. Но, с другой стороны, каждый имеет свой внутренний мир, свою индивидуальность»¹⁵.

В числе основополагающих принципов историографического исследования, которыми руководствовался И. Д. Ковальченко, она называла историзм – как в подходе к исследованию конкретных проблем, так и в отношении к оценке творчества того или иного учёного, а также признание кумулятивного характера научного исторического познания, и следовательно, недопустимость нигилизма, недооценки или вообще игнорирования того, что накоплено предшественниками, так же как и консерватизма, абсолютизации результатов имеющегося исторического знания.

Именно поэтому задолго до официальной возможности он начал знакомить студентов с религиозной философией Владимира Соловьёва, С. Н. Булгакова, привлекал внимание к философии истории, социологическим концепциям учёных конца XIX – начала XX в., «... бился в буквальном смысле слова за издание материалов по истории исторической науки, где были представлены произведения непопулярных тогда буржуазных учёных – П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского.»¹⁶, а в постсоветский период резко негативно воспринимал заявления некоторых учёных о полной несостоятельности советской исторической науки и призывы отказаться от неё.

Важным качеством учёного-историка через призму метода И. Д. Ковальченко, Алла Ервандовна Шикло определяла способность признания «научного плюрализма» как учёта и использования в исследовательской практике всего того в теории и методологии общественно-знания, что позволяет расширить и углубить понимание сути явлений и процессов исторической реальности. Именно это, по её мнению, Иван Дмитриевич имел в виду, когда писал о необходимости синтеза теорий, подходов и методов как условия выхода из кризиса.

Наконец, очень близок ей был взгляд И. Д. Ковальченко на историографию, как дисциплину, играющую чрезвычайно важную роль в профессиональной подготовке историка, как на инструмент повышения эффективности работы исследователя, знание которой играет исключительную роль при постановке исследовательской задачи, отборе источников и методов их анализа, формулировании концепции. «Знания историографии, – говорил он студентам, – дисциплинируют учёного, требуют ясного понимания цели исследования, дают ощущение причастности даже начинающему учёному к миру науки»¹⁷

Надо ли говорить о том, что всё, что отмечалось Аллой Ервандовной как принципиальные моменты в подходе Учителя к историографии как области исторического знания, преобразовалось в базовые ноты уже в её собственном научном творчестве, а также в авторском лекционном курсе, который непрерывно обновлялся и куда, по мере освоения, добавлялся новый материал.

¹⁴ Проблемы историографии в преподавательской и научной деятельности И. Д. Ковальченко. // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997, С. 160.

¹⁵ И. Д. Ковальченко – учёный, педагог, организатор науки, человек. // История и историки. М., 2006, С.330.

¹⁶ И. Д. Ковальченко – учёный, педагог, организатор науки, человек. // История и историки. М., 2006, С.330—331.

¹⁷ Проблемы историографии в преподавательской и научной деятельности И. Д. Ковальченко. // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997, С. 158.

Так, например, вслед за И. Д. Ковальченко она развивала тему кризисных явлений в исторической науке. Причём, в фокусе её внимания были и процессы, развернувшиеся в отечественной исторической науке и историческом образовании постсоветского периода¹⁸.

Согласно с методологическими установками, воспринятыми от него, предпринимала исследования научного наследия русских учёных-историков – персонально, в границах направлений, или в рамках временных интервалов. В разные годы объектами пристального внимания А.Е. Шикло становились не только профессиональные историки, но и представители общественной мысли, выпускники неисторических факультетов, анализировавшие исторический опыт. В их числе – Т. М. Каченовский и «скептическая школа», М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, Д. А. Корсаков, К. С. Аксаков, И.-Ф.-Г. Эверс, М. О. Коялович, Н. Л. Рубинштейн¹⁹. Обращение к этим лицам проистекало из осознания необходимости более внимательного и непредвзятого отношения к их наследию, из понимания их истинного места в исторической науке.

На крепком основании усвоенного от Учителя она выработала собственный профессиональный почерк.

Главной целью своих историографических изысканий Алла Ервандовна определяла понимание. Она исходила из уважения априори и, очень часто, признания интеллектуального превосходства тех, чьи труды изучала. Это позволяло отстраниться от себя и ориентироваться на материал. По той же причине Алла Ервандовна предпочитала детально и независимо изучить историографический источник, уважая, вступая в диалог, но, не передоверяясь научной литературе, с ним связанной, даже если речь шла только об информации справочного характера. Очень важна при этом расстановка акцентов. В центре внимания – не ошибки и просчёты участников историографического процесса, а моменты преемственности и приращения знания²⁰.

Принципы историографического анализа, сформулированные И. Д. Ковальченко, служили Алле Ервандовне критериями оценки сочинений историографического характера и при написании отзывов и рецензий²¹, и историографических обзоров.

¹⁸ См.: Некоторые тенденции в построении концептуальных схем истории России в вузовских учебниках 90-х годов. // Историк и историография. Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999. С. 55—60; Современные проблемы изучения истории исторической науки. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000, С. 285—296; Обзор учебной литературы по курсу «Историография отечественной истории». // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237—243.

¹⁹ См.: Константин Сергеевич Аксаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 3, М., 1996, С. 14 -24; Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс. // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996, С. 124 – 136; Был ли Нестор?: скептическая школа в русской историографии. // Там же, С. 137 – 151; Михаил Осипович Коялович. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 4, М., 1997, С. 16 -23; Дмитрий Александрович Корсаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 6, М., 1999, С. 58 – 66; Концепция русской культуры К. Д. Кавелина. // История мысли. Историография. М., 2002, С. 73 – 80; Исторические концепции М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова. // Историография истории России до 1917 года. Уч-к для вузов под ред. М. Ю. Лачаевой Т.1, М., 2003, С.249 – 268; Критическое направление в отечественной историографии 20 – 40-х гг. XIX в. И.-Ф.-Г. Эверс, Н. А. Полевой, М. Т. Каченовский. // Историография истории России до 1917 года. М., 2003, Т. 1, С. 220 – 248; Государственная школа в русской историографии. К. Д. Кавелин. Б. Н. Чичерин. // Там же, С. 291 – 314 Н. Л. Рубинштейн. // Энциклопедический словарь Московского Университета. Исторический факультет. М., 2004, С. 396 – 398.

²⁰ К слову, это тоже от Учителя. И. Д. Ковальченко считал, что никому не дано объяснить всё и сразу, возможно приоткрыть только малую часть истины, а наука в целом – это бесконечное движение к истине.

²¹ См.: В. И. Шевцов Развитие прогрессивного направления в русской историографии 1-й половины XIX в. Учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Днепропетровск, 1980, 86 с., тир.500. // История СССР. 1982, №4, С. 175 – 176; Из истории революционного движения. // Книжное обозрение. 1983, №6, С. 2; Р. А. Киреева. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., Изд-во Наука. 1983 // Вопросы истории. 1985, №3, С. 131 – 132; Московский университет в воспоминаниях современников (1755 – 1917). М., «Современник», 1989, 735 с., тир. 100000. // История СССР. 1985, №5, С. 187 – 189; Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. 92 с. // Известия северо-кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1990, №3, С. 142 – 143; Знать свою историю. // Грозненский рабочий. 1990, январь 25, №21 (19953), С. 4; В. П. Крикунов. «Пособие по курсу исто-

В историографических обзорах обнаруживается и другой существенный момент, определяющий характер научного творчества А. Е. Шикло – стремление к формированию системного знания.

Во-первых, к необходимости написания обобщающих историографических работ по историческим периодам и структуре историографического процесса²² неизменно приводило исследование персоналий. Из этой работы, соединённой с материалами лекционного курса, в итоге сложились разделы учебника, который был написан в соавторстве с профессором Г. Р. Наумовой, претерпел несколько переизданий и до последнего времени оставался самым востребованным учебным пособием по историографии истории России²³.

Во-вторых, историографические обзоры, предпринятые Аллой Ервандовной, происходили из понимания необходимости анализа состояния текущего исследовательского процесса в области изучения истории исторической науки. В 1980-х гг. ею был опубликован ряд статей соответствующей направленности²⁴.

Эти статьи в совокупности давали представление о массиве специальных исследований, в которых освещались условия развития исторической науки и основные направления в историографии практически всего досоветского периода. Систематизация советской историографии была увязана с теми направлениями в русской исторической науке, которые в ней изучались. Вниманию читателя предлагался обзор советской литературы по истории исторической науки России, вышедшей в период с 1964г.²⁵, поскольку итоги разработки этой темы до 1964 г. были представлены в обобщающих трудах «Очерки истории исторической науки в СССР» и «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография»²⁶.

Отдавая должное и фиксируя значительные положительные сдвиги в развитии историографической проблематики, внимание к теоретико-методологическим вопросам, расширение источниковой базы, Алла Ервандовна намечала и круг основных проблем, требующих как уточнения, так и дальнейшего изучения.

В теоретическом плане, важнейшим ей представлялся вопрос о связи теории и методологии с конкретными концепциями и, одновременно, вопрос о принципе разумной пропорциональности при распределении этих элементов в структуре историографического исследования.

Оценивать значение теоретико-методологических взглядов историков, безусловно, необходимо в тесной связи с их конкретно-историческими концепциями, во-первых, и с учётом места этих концепций в развитии исторической науки и в общественной жизни эпохи, во-вторых. Однако изучение теоретических и методологических представлений историков не должно

рии (Учёт опыта работы старших поколений над первоисточниками и проблемами историографии – традиции отечественной и зарубежной науки)». Ставрополь, 2002. – 150 с. // Вестник архивиста. 2003, №3—4 (75—76), С. 459 – 460; Отечественная культура и историческая мысль XVIII – XX веков. Сборник статей и материалов. Вып. 1 – 3. Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического университета, 1996 – 2004. Тир. 150 – 500 // Отечественная история. 2005, №6. С. 204 – 205.

²² См.: (В соавторстве) Историография // Историческая наука в Московском университете, 1755 – 2004. М., 2004, С. 245 – 261; Историческая наука второй четверти XIX в. о предмете и задачах изучения прошлого. // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы научных чтений. М., 2006, С.92—104; Концепции отечественной истории в трудах русских историков 1830-1850-х годов. // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007, С. 206—217.

²³ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2008.

²⁴ См.: Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма. // История СССР, 1983. №5. С.106—122; Советская историография процесса превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск, 1984, С. 104—112; История русской исторической мысли последней трети XVIII-второй трети XIX в. в современной советской историографии (Некоторые дискуссионные проблемы). // История СССР, 1987. №4. С. 153—175.

²⁵ Применительно к этапу превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.) были определены более широкие хронологические рамки советской литературы, с 1941 г. – от первого в советской историографии обобщения в учебнике «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна.

²⁶ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, Т. III.; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

быть самоцелью, поскольку, как правило, историки, да и представители исторической мысли вообще, сами не создавали философских теорий. Они служили для них необходимой основой конкретно-исторических исследований.

Вопрос о критериях оценки роли и места исторических взглядов и концепций в исторической науке тоже нуждался по её мнению, в дополнительной проработке. Прежде всего, необходимо определять то новое, с точки зрения методологии, метода, источниковедческой базы, проблематики, конкретно-исторических выводов, что изучаемая концепция вносит в науку. При этом нужно вписывать эту концепцию в предшествующую и современную ей историографическую ситуацию, что может вызывать некоторые сложности с учётом того обстоятельства, что не все компоненты исторической науки развиваются одновременно.

Не менее важным в плане исследовательской практики был вопрос о необходимости сверки представлений о структуре историографического пространства, то есть о критериях выделения течений и направлений в исторической науке и аргументах при решении вопроса о принадлежности учёного к тому или иному направлению. Так, поскольку критерием может служить то общность методологических установок историков, то отношение к политическому строю, в советской литературе анализируемого периода Алла Ервандовна фиксировала присутствие самых разнообразных определений, например, буржуазной историографии: либерально-монархическая, консервативная, умеренно-прогрессивная, умеренно-либеральная, прогрессивная, дворянско-буржуазная, кадетская и др.

Одновременно, большой перспективной задачей отечественной науки, исходя из требования полноты знания об историографическом процессе и теоретико-методологических исканиях в русской науке, она определяла преодоление диспропорции при изучении разных направлений.

Наконец, не вполне раскрытым на её взгляд оставался вопрос о кризисе исторической науки в конце XIX – начале XX века. Наиболее полно кризис может быть раскрыт при целостном рассмотрении состояния историографии указанного периода. Требовалось уточнение хронологических рамок кризиса. Но, что важнее, нуждалось в уточнении понятие кризиса не только как упадка, но и одновременно как дальнейшего развития исторической науки по целому ряду аспектов, в достижениях источниковедения, историографии, в интенсивном накоплении конкретно-исторических данных и других явлениях.

Историографические обзоры конца 90-х гг. XX – начала XXI вв. были актуализированы целым рядом новых обстоятельств социально-политического и идеологического характера, определившим и радикальные изменения историографической ситуации. Вместе с тем к этому моменту постсоветской исторической наукой был накоплен некоторый опыт, который вполне поддавался научному анализу. На новом этапе внимание Аллы Ервандовны Шикло привлекали вопросы теории и методологии, и связанных с ней конкретных концепций отечественной истории, а также общее состояние историографии как научной и учебной дисциплины. В качестве объектов исследования была использована главным образом учебная литература по отечественной истории и историографии России²⁷. К анализу было привлечено около тридцати учебников по историографии истории России госуниверситетов из различных регионов страны и более пятидесяти учебников отечественной истории для высшей школы.

Надо отметить позитивное, по преимуществу, отношение А. Е. Шикло к тем изменениям в исторической науке вообще и в её историографическом разделе в частности, которые происходили, прежде всего, в пространстве теории и методологии исторического познания.

²⁷ См.: Некоторые тенденции в построении концептуальных схем истории России в вузовских учебниках 90-х годов. // Историк и историография. Саратов, 1999, С. 55 – 60; Современные проблемы изучения истории исторической науки. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000, С. 285—296; Обзор учебной научной литературы по курсу «Историография отечественной истории» // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237 – 243.

Характерно, что в динамике в подходах Аллы Ервандовны к вопросам теории и методологии исторического познания не было ни мировоззренческих, ни этических перевёртышей. Явления и процессы в исторической науке, которые она наблюдала на новом историческом витке, вполне соответствовали тому, о чём она размышляла как о внутренне обусловленном самой логикой и природой научного познания и что было отражено в её работах предшествующего периода.

Она констатировала значительное повышение интереса исторической науки к разделу историографии, вызванное потребностями её самоидентификации, уточнения предметной области, методов исследования, задач и функций её в историческом познании и историческом сознании общества.

В свою очередь, в рамках раздела историографии она обращала внимание на расширение историографического поля исследования, включающего многообразие теоретических подходов, методов, приёмов изучения исторических знаний, разнообразие исторических концепций, и широкий круг персоналий, обращение к изучению общественного исторического сознания взаимоотношений исторической науки и исторического сознания.

Как своевременное и необходимое характеризовала преодоление тенденциозности в оценках исторических концепций, когда главным становится не «суд» над историками, а «понимание», отказ от классовых оценок, реабилитацию трудов учёных, целых направлений и школ, включение любого исторического исследования в общую картину науки, внимание к личности учёного, к его познающему сознанию. Каждое новое имя, по её убеждению, раздвигает рамки знания об общей историографической ситуации, системах ценностей, разнообразии исторического мышления.

В качестве ближайшей задачи Алла Ервандовна определяла уточнение общей схемы истории исторической науки, в том числе пересмотр содержания и хронологических границ кризиса исторической науки рубежа веков.

Учебная литература как объект историографического анализа была интересна для неё с точки зрения оперативного выявления и оценки познавательных возможностей различных подходов в изучении отечественной истории, а также оценки качества учебной литературы в контексте подготовки профессиональных историков. Высказанные ею соображения были не только и не столько собственно критическими замечаниями, сколько сформированными многолетним опытом научной и педагогической работы представлениями о содержательных стандартах профессиональной подготовки историков-исследователей.

Собственный цельный взгляд на историографию как специальную историческую дисциплину, её предмет, значение в системе исторического знания, структуру и содержание, соотношение внутренних элементов, особенности и последовательность исследовательского историографического процесса, историю становления и развития, Алла Ервандовна Шикло представила в Методической разработке к курсу «Историография российской истории» для студентов исторического факультета²⁸.

Принадлежа научной школе И. Д. Ковальченко и в развитие его идей, в рамках этой разработки она предложила обзор методологических проблем историографических исследований и требований к исследовательской работе в связи с этими проблемами.

Речь шла о необходимости изучения состояния исторической науки как части общественного организма и в связи с характером конкретной эпохи, её культурно-историческим типом. Каждая эпоха характеризуется наличием определённой совокупности познавательных средств. Поэтому те или иные требования к уровню познания можно предъявлять только в рамках действительных возможностей их удовлетворения. Историческое знание, таким образом,

²⁸ Методическая разработка к курсу «Историография российской истории» для студентов исторического факультета. М., 1993.

может рассматриваться только в контексте эпохи. Учёт объективных условий развития исторической науки является одним из основополагающих принципов её изучения.

Указывалось на немалое значение признания роли познающего субъекта, необходимости изучения личности историка и, следовательно, исследование соотношения субъективного и объективного в процессе научного исторического познания.

Рядом условий оговаривался процесс определения места той или иной концепции в исторической науке. В их числе требование выяснения вопроса о том, чем она обогатила науку с точки зрения методологии и методов исследования, источниковой базы, конкретно-исторических выводов, каково соотношение субъективного и объективного в отражении исторической реальности и какие перспективы она открывает для дальнейшего её изучения. При этом оговаривалась необходимость учитывать не то, что не дал историк в сравнении с современным уровнем знания, а что он дал нового в сравнении со своими предшественниками и современниками. Другое необходимое условие – прояснение социальной направленности концепции и её значения для общественной практики с точки зрения отражения запросов эпохи, с одной стороны, и возможности использования исторических выводов в конкретной исторической обстановке, с другой. Отдельно подчёркивалось, что задача историографа не осуждать, и не оправдывать ту или иную точку зрения предшественников, основываясь на собственной шкале ценностей и уровне развития науки, а понять и объяснить, почему историк мыслил так, а не иначе. Историческое познание должно пониматься как процесс. Изучение процесса, соответственно, требует последовательного применения принципа историзма.

Научно продуктивное применение методов и процедур исторической аналитики обуславливалось требованием тщательной работы с категориальным и понятийным аппаратом исторической науки, в том числе в его развитии во времени. Также, важной задачей историографических исследований определялось выделение в исторической науке направлений, течений, школ и отнесение к ним отдельных историков.

Таким образом, сформулированный в методической разработке цельный комплекс научных и методических представлений и стал главным ориентиром и критерием для анализа массива учебной литературы.

Общим пожеланием по поводу содержательной стороны учебников по русской истории было приведение в соответствие общих концепций российской истории, предлагаемых учебной литературой, с результатами фундаментальных исследований.

В числе основных проблем методологического характера в первую очередь называлась проблема понятийного аппарата историографии. Разнобой, неопределённость и неполнота раскрытия содержания понятий воспринималась Аллой Ервандовной как серьёзное препятствие в научно-исследовательском процессе и недопустимое явление в учебной литературе.

Большой перспективной задачей виделось ей преодоление разнобоя как в типологизации различных исторических концепций (т.е. выделении направлений, течений, школ в исторической науке, которые дают возможность показать связи, существующие в историческом сообществе, проследить тенденции в развитии исторической мысли), так и в определении принадлежности к ним тех или иных историков.

Другой задачей, ожидающей разрешения, она определяла повышение уровня освещения в учебниках теоретико-методологических проблем исторической науки на различных этапах её развития. Методология, методы исследования постоянно изменяются. Для успешной профессиональной деятельности учёного необходимы навыки определения «богатства профессиональных средств и методов», причём не только на уровне теоретическом (это основная задача курса методологии), а в практическом их выражении в исторических исследованиях. Таким образом, очевидно недостаточно только перечисления различных подходов без раскрытия их содержания и воплощения в конкретных исследованиях.

Наконец, вопросы кумулятивности, или преемственности и традиций в историческом знании, решение проблемы, какое знание нашло своё продолжение, что было отвергнуто исторической наукой, и что нового дала советская и постсоветская историография, виделись ей одной из важнейших задач, которую предстоит решить историографам и, в том числе, авторам учебных пособий.

Вообще, пристальный интерес Аллы Ервандовны Шикло к проблемам учебной литературы был отражением не только её представлений о значении и содержании историографии как научной и учебной дисциплины, как системного знания. Он отражал и её представления о самой себе и своей роли в научном и учебном процессе.

Саму себя она рассматривала, прежде всего, как преподавателя, она неоднократно говорила о том, что не является учёным в классическом смысле, что она – высококвалифицированный преподаватель высшей школы, который занимается наукой для обеспечения высокого уровня университетского преподавания.

В деле преподавания Алла Ервандовна Шикло, безусловно, обладала собственным неповторимым стилем. С одной стороны он был продолжением её характера и личного жизненного опыта, с другой стороны – частью опыта общения со своим учителем и старшим коллегой Иваном Дмитриевичем Ковальченко.

Чертой, которая чрезвычайно привлекала Аллу Ервандовну в её Учителе, было безусловное, во всей полноте, уважение к делу, которым он занимался. Она понимала, что уважение к собственно научному творчеству выливалось в уважение к аудитории, в которую он выносил плоды этого творчества. Проработанность до мельчайших деталей лекционного материала, обеспеченность необходимыми цитатами, регулярная серьёзная подготовка к занятиям – все эти принципы Алла Ервандовна неизменно реализовывала и в своей преподавательской работе.

Материалы личного архива Аллы Ервандовны – конспекты, выписки, копии историографических источников, свидетельствуют о непрерывной исследовательской работе и работе над обновлением, уточнением текущих учебных курсов, о разработке новых сюжетов для включения их в учебный процесс. Отдельный интерес представляет систематический каталог, который формировался в процессе исследовательской деятельности и который сам по себе может работать объектом историографического изучения.

Он отражает со всей очевидностью принадлежность школе И. Д. Ковальченко, так как обнаруживает понимание историографии как системного знания в максимально широкой трактовке предмета. Структура каталога организована в соответствии с пониманием структуры историографии как раздела исторической науки и учебного курса. Одним из дополнительных достоинств его является обширная библиография историографических источников – научных трудов, мемуаров, переписки учёных.

Задача обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки историков диктовала поиск возможностей расширения границ научно-познавательного процесса, выхода за рамки учебных курсов, объединения в едином пространстве и в едином процессе различных форм научной и учебной работы.

Ещё в конце 1960-х гг. исходя из специфики содержания курсов источниковедения и историографии, наличия ряда научных и методических проблем, связанных с их чтением, И. Д. Ковальченко предлагал организовать периодические семинары для преподавателей, расширить подготовку через аспирантуру специалистов в области источниковедения и историографии. «Доработка» этой идеи привела к мысли о возможности организации при кафедре источниковедения научного семинара для преподавателей, аспирантов и студентов, действующего на постоянной основе.

В практической плоскости идея созрела летом 1994 г. после защиты на историческом факультете очередной диссертации²⁹. Первое заседание семинара состоялось уже осенью 1994 г.

Практика показала как своевременность и востребованность организации научно-практического семинара, так и его продуктивность.

Круг участников семинара последовательно расширялся. Кроме студентов, аспирантов и преподавателей, выпускников кафедры источниковедения, в сферу его притяжения на разных этапах вовлекались преподаватели других кафедр, факультетов, вузов, музеев, школ.

В круге обсуждения семинара оказывались важные вопросы методологии и теории исторического познания, отечественная мысль, в которой содержатся размышления об историческом пути России, актуальные проблемы отечественной историографии разных этапов, а также проблемы влияния идеологии, политических интересов на формирование исторического видения, объективность исторической науки.

Алла Ервандовна Шикло, будучи одним из учредителей семинара, оставалась его постоянным участником, формировала повестку заседаний, периодически выступала с докладами. Вне семинара на III Научных чтениях памяти И. Д. Ковальченко 1—2 дек. 2003 г. она выступала с сообщением о семинаре «Традиции русской исторической мысли».

Одним из значимых результатов работы семинара «Традиции исторической мысли» стало издание его трудов. К 2018 г. в общей сложности вышло 11 выпусков альманаха³⁰. Алла Ервандовна была ответственным редактором и составителем, автором предисловия первого выпуска сборника трудов научного семинара «Традиции русской исторической мысли»³¹, членом редакционной коллегии во всех последующих выпусках, участвовала в сборниках со своими статьями³².

Уважение к делу, которым она занималась, означало для Аллы Ервандовны Шикло и заведомое уважение к коллегам и результатам их деятельности. Алла Ервандовна обладала талантами, которые всегда высоко ценятся в повседневной жизни, но особо востребованы в научной и педагогической практике. Высочайшая степень порядочности, глубокое понимание правил поведения, профессиональной этики были очень свойственны Алле Ервандовне.

Для неё было очень важным профессиональное общение, причём не только с близкими, по кафедре, университету, коллегами, но с коллегами из других вузов, городов, представителями других специальностей. Такое общение способствовало повышению эффективности взаимодействия частей единого научного и учебного процесса, обогащало новым опытом, позволяло увидеть и оценить спектр интеллектуального поиска, уточнить собственные позиции, оценить качество своей работы.

²⁹ В качестве соучредителей научного семинара выступили, кроме А. Е. Шикло, Г. Р. Наумова и И. П. Смирнов. Соучредители предложили и название семинара – «Традиции русской исторической мысли», которое с течением времени претерпело трансформацию. На текущий момент семинар именуется «Традициями исторической мысли».

³⁰ См.: Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1997; Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999; История мысли. Историография. М., 2002; Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. М., 2005; Философия хозяйства. Специальный выпуск. Декабрь 2006. Часть 3. М., 2006; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. М., 2009; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 2. М., 2010; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 3—4. М., 2013; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 5—6. М., 2018.

³¹ В предуведомлении к первому выпуску «Традиций» ответственный редактор и составитель А. Е. Шикло писала: «Мы посвящаем этот сборник памяти И. Д. Ковальченко. Ему мы обязаны своим интересом к проблемам историографии и методологии исторического познания. Побуждая нас к постоянному интеллектуальному труду, он всегда любил подчёркивать, что никому не дано сказать последнее слово в науке».

³² См.: О новой программе по историографии истории России. // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999, С. 119 – 120; Концепция русской культуры К. Д. Кавелина. // История мысли. Историография. М., 2002, С. 73 – 80.

В эту логику профессионального взаимодействия, скорее даже профессионального содружества, были включены и ученики Аллы Ервандовны Шикло. Это было естественной и очень органичной составляющей её, с одной стороны, индивидуального стиля, проявлением её личности, а с другой стороны, стиля кафедры источниковедения, который формировал её руководитель.

Алла Ервандовна ценила в Иване Дмитриевиче Ковальченко Учёного, но не менее того, умела оценить в нём Учителя. Она отмечала его удивительную способность просто и по-дружески, не кичась степенями и званиями, общаться с коллегами, студентами и аспирантами вне зависимости от формата общения. Алла Ервандовна на всю жизнь запомнила одно из его замечаний по поводу чтения лекций некоторыми преподавателями о том, что для них слушатели – полнейшие невежды, а они сами знатоки, что взгляд сверху вниз сковывает аудиторию, а её надо рассматривать как равную себе.

Ей очень импонировало, что Иван Дмитриевич старался поднимать каждого студента до своего уровня. Она очень ценила его привычку делиться с учениками своими мыслями и раздумьями, проговаривать свои идеи, а также вовлекать их в процесс научного творчества, ставя перед ними новые проблемы, направляя их внимание на малоизученное в науке, на «поисковые» темы.

Из тех бесценных качеств педагога, которыми обладал И. Д. Ковальченко, и которые Алла Ервандовна особенно в нём ценила, было умение слушать и слышать собеседника. Она не раз наблюдала и впоследствии делилась этими наблюдениями уже со своими учениками, как он с большим терпением выслушивал студентов и аспирантов, с уважением относился к их мнению, побуждая вопросами к самостоятельному суждению. Не перебивал, давал возможность высказаться. Если его собственная точка зрения по вопросу была иной, он, пытаясь доказать свою правоту, приводил всё новые и новые аргументы, но ни в коем случае не обрывал, не давил своим авторитетом, всегда находил у оппонента интересные мысли и говорил, что над этим нужно подумать. Он умел вести диалог таким образом, чтобы, не смущая собеседника и не навязывая ему свою точку зрения, помочь последнему приблизиться к решению проблемы, он умел дать своим ученикам максимум исследовательской свободы и одновременно направить их мысль.

В отношении к ученикам ею так же управляли удивительная мудрость и великодушие. Никто и никогда в общении с ней не мог почувствовать себя ущемлённым. Она тоже умела ненавязчиво показать направление, никак не ограничивая творческой свободы своих подопечных. В диалоге она уважала любую позицию, позволяя себе только предположить, очень деликатно, как-бы советуясь, задавая нужные вопросы, возможность иного подхода. Она частенько использовала ласкающую самолюбие собеседника формулу: «Вы конечно знаете лучше, Вы в материале». К слову, если Алла Ервандовна действительно не была осведомлена в каком-либо вопросе, она, подобно своему Учителю, не стеснялась в этом признаться, всегда была готова разобраться в вопросе и сообщить о результатах.

Надо сказать, что Алла Ервандовна никогда не жалела времени для общения со своими учениками. Как правило, она была осведомлена о работе, планах, личных делах, успехах и неудачах своих учеников, сопереживала им, всегда была готова помочь всеми возможными способами. В том числе, Алла Ервандовна по возможности способствовала ученикам и с обустройством на работу. К ней можно было обратиться в любое время, она была доступна для телефонных звонков на дом, да и сам её дом был открыт и для коллег, и для учеников.

Таким образом, Алла Ервандовна, с лихвой отдавая своим ученикам то, что было воспринято ею от Учителя, тоже стала Учителем. И в этом утверждении нет преувеличения.

3. А. Е. Шикло – труды

Творческое наследие Аллы Ервандовны Шикло связано, главным образом, с её многолетней работой в Московском университете. Однако некоторая часть её трудов написана в предшествующий университетскому период.

С 1960г. по 1961г. Алла Ервандовна работала в должности научно-технического сотрудника Института истории АН СССР, затем нештатного сотрудника Министерства иностранных дел СССР. На следующем этапе, в течение пяти с небольшим лет (1961—1966 гг.) она исполняла должность старшего научного сотрудника Главного архивного управления при Совете Министров СССР. Здесь, в составе авторского коллектива, принимала участие в подготовке сборника документов «Внешняя политика России XIX в. и начала XX в.»³³.

Значительный первоначальный опыт вузовского преподавания она получила, работая в 1-м Московском медицинском институте им. Сеченова, где читала лекции и вела семинары по истории КПСС. С этого времени и в продолжение всей своей педагогической практики Алла Ервандовна активно занималась вопросами методики преподавания, организации учебного процесса, повышения его эффективности³⁴, не обходила стороной вопрос не только о содержательной, но и учебно-методической стороне формирования учебной литературы, в частности, по курсу историографии.³⁵

В 1978 году, перейдя при содействии своего научного руководителя И. Д. Ковальченко на кафедру источниковедения исторического факультета Московского университета, Алла Ервандовна Шикло была привлечена им к разработке и чтению собственного лекционного курса по отечественной историографии, а также к совместной исследовательской и научно-методической работе. Примером такого сотрудничества может служить написанная в соавторстве и опубликованная в №1 журнала «Вопросы истории» за 1982 г. статья «Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (Итоги и задачи изучения)». Ивану Дмитриевичу принадлежала та часть работы, где рассматривались теоретические вопросы изучения кризиса исторической науки обозначенного периода (вопросы причин, признаков, периодизации, смысла изучения кризиса), анализировались общие итоги теоретической разработки проблемы кризиса исторической науки в советской историографии. В части А. Е. Шикло на конкретных примерах – трудах историков конца XIX – начала XX века П. Н. Милюкова и А. С. Лаппо-Данилевского, была опробована методика распознавания и демонстрации признаков кризиса в соответствии с теми представлениями о научных стандартах историографического анализа, которые в дальнейшей преподавательской работе и трудах Аллы Ервандовны получили развитие и подкрепление, и которые не утратили актуальности и для

³³ Внешняя политика России XIX в. и начала XX в. Сб. документов. ТТ. II, VI, III. М., 1961, М., 1962, М., 1966.

³⁴ См.: (В соавторстве) Методические указания для семинарских занятий по истории КПСС. Изд. I ММИ, М., 1972, М., 1976; (В соавторстве) Некоторые вопросы организации самостоятельной работы студентов. Изд. I ММИ, М., 1979; (В соавторстве) Проблемное чтение лекций по истории КПСС. Изд. I ММИ, М., 1979; Из опыта проведения семинарских занятий по историографии истории СССР на историческом факультете Московского университета. // Историография истории СССР: проблемы преподавания и изучения. Калинин, 1985, С. 135 – 140; (В соавторстве) Практические занятия по историографии и издание материалов для их проведения. // Вопросы историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Днепропетровск, 1985, С.86 – 88; (В соавторстве) Методические рекомендации для проведения практических занятий по курсу «Истории исторической науки в СССР». М., 1985; Практические занятия по историографии истории СССР. // Вопросы истории, 1986, №1, С. 107 – 109; О некоторых проблемах преподавания курса «Историография истории СССР (досоветский период)». // Программа и тезисы Всесоюзной научно-методической конференции «Перестройка исторического образования в вузах страны: опыт, проблемы, поиск» (23 – 26 октября 1990 г.). Днепропетровск, 1990, С. 27 -29; О новой программе по историографии истории России. // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999, С. 119 -120.

³⁵ См.: Обзор учебной научной литературы по курсу «Историография отечественной истории». // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237 – 243.

современного исторического знания³⁶. На момент публикации значение этой статьи было велико. В научном сообществе она была воспринята как дающая «легитимные основания» для изучения историографического процесса под углом зрения общенауковедческих подходов...»³⁷.

На кафедре источниковедения Алла Ервандовна Шикло читала лекционный курс «Историография истории России с древнейших времён до начала XX в.», вела семинарские занятия, руководила спецсеминаром для специализирующихся по кафедре студентов. Она читала спецкурсы, которые давали возможность более глубокого проникновения в вопросы научного исторического познания, теоретические проблемы историографии, общие и частные проблемы историографического процесса³⁸ и, разумеется, выступала в качестве научного руководителя при подготовке дипломных работ³⁹ и кандидатских диссертаций⁴⁰.

Собственный цельный взгляд на историографию как специальную историческую дисциплину, её предмет, значение в системе исторического знания, структуру и содержание, соотношение внутренних элементов, особенности и последовательность исследовательского историографического процесса, историю становления и развития, Алла Ервандовна Шикло представила в Методической разработке к курсу «Историография российской истории» для студентов исторического факультета⁴¹. Эта работа оказалась очень востребованной в научном преподавательском сообществе. С. А. Мезин, коллега Аллы Ервандовны из Саратовского государственного университета писал: «Это очень необходимое и полезное издание! Учебники по историографии безнадежно устарели, как никогда необходим обмен новой информацией...»⁴²

³⁶ Одним из важных результатов сотрудничества стало также издание двух выпусков сборников «Материалов по истории исторической науки в СССР» (1985 г. (конец XIX – начало XX в.), 1990 г. (конец XVIII – первая треть XIX в.), где Алла Ервандовна Шикло выступала в качестве составителя и автора предисловий и примечаний, а И. Д. Ковальченко осуществлял редакцию и был автором Введений. В личном архиве А. Е. Шикло сохранился подготовленный к публикации третий выпуск сборника, в котором собраны материалы 40 – 60 гг. XIX века – работы К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьёва, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова. Составителями выступили М. А. Свищёв и А. Е. Шикло, редактором – И. Д. Ковальченко. Введение и примечания были написаны А. Е. Шикло. Кроме текстов С. М. Соловьёва на тот момент отрывки из работ указанных авторов предполагалось опубликовать впервые, однако, издание этого выпуска не состоялось.

³⁷ Журба О. И., Чернов Е. А. Рецепция личности и воззрений И. Д. Ковальченко в Днепропетровском университете. // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 256.

³⁸ В числе прочитанных Аллой Ервандовной Шикло спецкурсов «Категориальный и понятийный аппарат историографии как специальной дисциплины», «Историческая наука в 80-90-х гг. XX в.», «Историки о времени и о себе», «Россия и Запад в русской истории XVIII – XIX вв.», «Роль исторической науки в общественно-политической борьбе в России в конце XIX – начале XX в.».

³⁹ Всего под руководством А. Е. Шикло подготовлено и защищено 36 дипломных работ историографической проблематики. В работах отражены разные стороны историографического процесса на разных исторических этапах. Среди тем дипломных работ – вопросы развития инфраструктуры отечественной исторической науки, инструментов научной коммуникации, теоретические вопросы исторической науки, персоналии, направления и течения в исторической науке, исторические взгляды представителей общественной мысли и деятелей культуры.

⁴⁰ Под руководством А. Е. Шикло подготовлены и защищены кандидатские диссертации Володиной Т.А «М. О. Гершензон – историк русской общественной мысли» (1988г.), Вакулиной Е. Н. «Исторические взгляды И. Д. Беляева» (1990г.), Коргунюка Ю. Г. «Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н. И. Кареева» (1990г.), Есенгареева Е. Ж. «Научные общества и их роль в исторической науке XIX- начала XX веков (на материалах деятельности исторических обществ при московском и петербургском университетах)» (1991 г.), Масловой Н. В. «Проблемы историографии и источниковедения в научном творчестве Т. Н. Грановского» (1993 г.), Шульгиной Н. В. «Историческая концепция С. В. Ешевского» (1998 г.), Агейчевой Т. В. «Концепция интеллигенции и истории русской общественной мысли в трудах Р. В. Иванова-Разумника» (2001 г.), Ефремовой Е. В. «Концепция исторического развития России Ю. Ф. Самарина» (2001 г.), Серенченка Н. В. «Исторические и политические взгляды князя Н. М. Щербатова (фактор индивидуального социального опыта)» (2008 г.).

⁴¹ Методическая разработка к курсу «Историография российской истории» для студентов исторического факультета. М., 1993.

⁴² Из личного архива Т. В. Агейчевой. Неопубликованная переписка А. Е. Шикло.

Первым серьёзным опытом комплексного, на богатом источниковом материале, историографического исследования в контексте научной школы И. Д. Ковальченко явилось для неё, безусловно, диссертационное сочинение о Н. А. Полевом⁴³.

Оно стало первым специальным исследованием о Полевом-историке в советской историографии. До того вопрос об исторических взглядах Н. А. Полевого в самых общих чертах освещался в работах о Полевом-литераторе, в сочинениях о Полевом-общественном деятеле, в соответствующих разделах общих трудов по историографии. При этом, характеристика исторических взглядов Полевого предпринималась на основе только двух работ Полевого: критической статьи об «Истории государства российского Н. М. Карамзина» и «Истории русского народа».

Уже в диссертации о Н. А. Полевом проявился главный интерес Шикло-учёного – русская историография первой половины XIX века. Это было время профессионализации национального исторического знания на фоне роста национального самосознания и оформления широкого общественного интереса к своей истории, когда в идейной жизни стало ощутимым влияние гегельянской и шеллингианской философии, классической политэкономии, социологии, когда на смену рационализму пришёл историзм, идеи единства всемирно-исторического процесса, его внутренней обусловленности и закономерности. Вершиной этого процесса стала государственно-юридическая школа и С. М. Соловьёв, а Н. А. Полевой стоял у его истоков.

В последующие после защиты диссертации годы Алла Ервандовна не раз возвращалась к личности и творчеству Н. А. Полевого⁴⁴, в том числе и потому, что изменения историографической ситуации требовали переосмысления, казалось бы, хорошо знакомых сюжетов.

Надо сказать, что публикация монографии о Полевом также весьма позитивно была встречена коллегами-историками. «Ещё в конце 70-начале 80-х гг. после выхода в свет монографии А. Е. Шикло <...> о Н. А. Полевом как историке усилилось взаимодействие в сфере историографии между нашими кафедрами⁴⁵, приобретшее самые разнообразные формы и имевшее интенсивный характер <...>»⁴⁶.

В её научном творчестве, а также в авторском лекционном курсе, который непрерывно обновлялся и куда, по мере освоения, добавлялся новый материал, Алла Ервандовна, помимо прочего, развивала тему кризисных явлений в исторической науке. Причём, в фокусе её внимания были и процессы, развернувшиеся в отечественной исторической науке и историческом образовании постсоветского периода⁴⁷. В разные годы объектами пристального

⁴³ См.: Исторические взгляды Н. А. Полевого. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1971; Исторические взгляды Н. А. Полевого. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1971; Исторические взгляды Н. А. Полевого. // История СССР, №5, 1971, С.95 -108; Проблемы русской истории в освещении Н. А. Полевого. // Вестник МУ, №1, 1973, С.74 – 89.

⁴⁴ См.: Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981; Публикация «Речи о купеческом звании и особенно в России», прочитанной Полевым в Московской практической коммерческой академии в 1832 г. в газете Былое, №4, 1992, С.5; Западно-европейский мир и Россия в исторических трудах Н. А. Полевого. // Мининские чтения Нижний Новгород, 1992, С. 146 – 149; Н. А. Полевой о купеческом звании в России. // Российское купечество от средних веков к новому времени М., 1993, С.139 – 140; Николай Алексеевич Полевой. // Историки России XVIII – XX веков. Выпуск 1-й, М., 1995, С.88 – 96; Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой. // Историки России XVIII – XX веков. М., 1996, С. 152 – 173.

⁴⁵ Речь идёт о кафедре источниковедения исторического факультета Московского университета и одноимённой кафедре Днепропетровского университета.

⁴⁶ Журба О. И., Чернов Е. А. Рецепция личности и воззрений И. Д. Ковальченко в Днепропетровском университете. // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 255.

⁴⁷ См.: Некоторые тенденции в построении концептуальных схем истории России в вузовских учебниках 90-х годов. // Историк и историография. Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999, С. 55—60; Современные проблемы изучения истории исторической науки. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000, С. 285—296; Обзор учебной литературы по курсу «Историография отечественной истории». // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237—243.

внимания А.Е Шикло становились профессиональные историки, представители общественной мысли, выпускники неисторических факультетов, анализировавшие исторический опыт. В их числе – Т. М. Каченовский и «скептическая школа», М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, Д. А. Корсаков, К. С. Аксаков, И.-Ф.-Г. Эверс, М. О. Коялович, Н. Л. Рубинштейн⁴⁸. Обращение к этим лицам проистекало из осознания необходимости более внимательного и непредвзятого отношения к их наследию, из понимания их истинного места в исторической науке и процессе исторического познания.

Принципы историографического анализа, сформулированные И. Д. Ковальченко, служили Алле Ервандовне критериями оценки сочинений историографического характера при написании отзывов и рецензий⁴⁹, и историографических обзоров.

В историографических обзорах обнаруживается и другой существенный момент, определяющий характер научного творчества А. Е. Шикло – стремление к формированию системного знания.

Во-первых, к необходимости написания обобщающих историографических работ по историческим периодам и структуре историографического процесса⁵⁰ неизменно приводило исследование персоналий. Из этой работы, соединённой с материалами лекционного курса, в итоге сложились разделы учебника, который был написан в соавторстве с профессором Г. Р. Наумовой, претерпел несколько переизданий и до последнего времени оставался самым востребованным учебным пособием по историографии истории России⁵¹.

Во-вторых, историографические обзоры, предпринятые Аллой Ервандовной, происходили из понимания необходимости анализа состояния текущего исследовательского процесса в области изучения истории исторической науки. В 1980-х гг. ею был опубликован ряд статей соответствующей направленности⁵².

⁴⁸ См.: Константин Сергеевич Аксаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 3, М., 1996, С. 14 -24; Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс. // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996, С. 124 – 136; Был ли Нестор?: скептическая школа в русской историографии. // Там же, С. 137 – 151; Михаил Осипович Коялович. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 4, М., 1997, С. 16 -23; Дмитрий Александрович Корсаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 6, М., 1999, С. 58 – 66; Концепция русской культуры К. Д. Кавелина. // История мысли. Историография. М., 2002, С. 73 – 80; Исторические концепции М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова. // Историография истории России до 1917 года. Уч-к для вузов под ред. М. Ю. Лачаевой Т.1, М., 2003, С.249 – 268; Критическое направление в отечественной историографии 20 – 40-х гг. XIX в. И.-Ф.-Г. Эверс, Н. А. Полевой, М. Т. Каченовский. // Историография истории России до 1917 года. М., 2003, Т. 1, С. 220 – 248; Государственная школа в русской историографии. К. Д. Кавелин. Б. Н. Чичерин. // Там же, С. 291 – 314 Н. Л. Рубинштейн. // Энциклопедический словарь Московского Университета. Исторический факультет. М., 2004, С. 396 – 398.

⁴⁹ См.: В. И. Шевцов Развитие прогрессивного направления в русской историографии 1-й половины XIX в. Учебное пособие по курсу «Историография истории СССР». Днепропетровск, 1980, 86 с., тир.500. // История СССР. 1982, №4, С. 175 – 176; Из истории революционного движения. // Книжное обозрение. 1983, №6, С. 2; Р. А. Киреева. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., Изд-во Наука. 1983 // Вопросы истории. 1985, №3, С. 131 – 132; Московский университет в воспоминаниях современников (1755 – 1917). М., «Современник», 1989, 735 с., тир. 100000. // История СССР. 1985, №5, С. 187 – 189; Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. 92 с. // Известия северо-кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1990, №3, С. 142 – 143; Знать свою историю. // Грозненский рабочий. 1990, январь 25, №21 (19953), С. 4; В. П. Крикунов. «Пособие по курсу истории (Учёт опыта работы старших поколений над первоисточниками и проблемами историографии – традиции отечественной и зарубежной науки)». Ставрополь, 2002. – 150 с. // Вестник архивиста. 2003, №3—4 (75—76), С. 459 – 460; Отечественная культура и историческая мысль XVIII – XX веков. Сборник статей и материалов. Вып. 1 – 3. Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического университета, 1996 – 2004. Тир. 150 – 500. // Отечественная история. 2005, №6. С. 204 – 205.

⁵⁰ См.: (В соавторстве) Историография // Историческая наука в Московском университете, 1755 – 2004. М., 2004, С. 245 – 261; Историческая наука второй четверти XIX в. о предмете и задачах изучения прошлого. // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы научных чтений. М., 2006, С.92—104; Концепции отечественной истории в трудах русских историков 1830-1850-х годов. // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007, С. 206—217.

⁵¹ Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2008.

⁵² См.: Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма. // История СССР, 1983. №5. С.106—122; Советская историография процесса превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск, 1984, С. 104

Эти статьи в совокупности давали представление о массиве специальных исследований, в которых освещались условия развития исторической науки и основные направления в историографии практически всего досоветского периода. Систематизация советской историографии была увязана с теми направлениями в русской исторической науке, которые в ней изучались. Вниманию читателя предлагался обзор советской литературы по истории исторической науки России, вышедшей в период с 1964 г.⁵³, поскольку итоги разработки этой темы до 1964 г. были представлены в обобщающих трудах «Очерки истории исторической науки в СССР» и «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография»⁵⁴.

Историографические обзоры конца 90-х гг. XX – начала XXI вв. были актуализированы целым рядом новых обстоятельств социально-политического и идеологического характера, определившим и радикальные изменения историографической ситуации. Вместе с тем к этому моменту постсоветской исторической наукой был накоплен некоторый опыт, который вполне поддавался научному анализу. На новом этапе внимание Аллы Ервандовны Шикло привлекали вопросы теории и методологии, и связанных с ней конкретных концепций отечественной истории, а также общее состояние историографии как научной и учебной дисциплины. В качестве объектов исследования была использована главным образом учебная литература по отечественной истории и историографии России⁵⁵. К анализу было привлечено около тридцати учебников по историографии истории России госуниверситетов из различных регионов страны и более пятидесяти учебников отечественной истории для высшей школы.

Будучи ученицей и восприемницей Ивана Дмитриевича Ковальченко, Алла Ервандовна значительную часть своих усилий направляла на изучение личности и творчества Ивана Дмитриевича Ковальченко. Её первая, небольшая заметка о нём была помещена в газете «Московский университет» в 1984 г.⁵⁶. Уже после ухода из жизни своего учителя и друга И. Д. Ковальченко, в работах, посвящённых его памяти⁵⁷, Алла Ервандовна, помимо воспоминаний о личности Ивана Дмитриевича, предложила полноценный историографический анализ его научного метода, дающий представление о содержательной стороне школы И. Д. Ковальченко в части истории исторической науки.

Алла Ервандовна Шикло была одной из учредителей научного семинара «Традиции русской исторической мысли», который по сей день работает при кафедре источниковедения исторического факультета. Она оставалась его постоянной участницей, формировала повестку заседаний, периодически выступала с докладами. Вне семинара на III Научных чтениях памяти

—112; История русской исторической мысли последней трети XVIII-второй трети XIX в. в современной советской историографии (Некоторые дискуссионные проблемы). // История СССР, 1987, №4. С. 153—175;

⁵³ Применительно к этапу превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.) были определены более широкие хронологические рамки советской литературы, с 1941 г. – от первого в советской историографии обобщения в учебнике «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна.

⁵⁴ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, Т. III.; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

⁵⁵ См.: Некоторые тенденции в построении концептуальных схем истории России в вузовских учебниках 90-х годов. // Историк и историография. Саратов, 1999, С. 55 – 60; Современные проблемы изучения истории исторической науки. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000, С. 285—296; Обзор учебной научной литературы по курсу «Историография отечественной истории» // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237 – 243.

⁵⁶ Шикло А. Е. Интерес к познанию // Московский университет. 14 мая 1984 г., №36 (3417). С.3.

⁵⁷ См.: Проблемы историографии в преподавательской и научной деятельности И. Д. Ковальченко. // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997. С. 157—164; Чтения, посвящённые памяти И. Д. Ковальченко. // Отечественная история. 1997. №4. С. 209—213; Светлой памяти И. Д. Ковальченко. Он любил то, что преподавал, и тех, кому преподавал. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. №3. С. 15—19; Он любил то, что преподавал, и тех, кому преподавал. // История и компьютер. 1997. №20. С. 172—179; Академик И. Д. Ковальченко как профессор Московского университета. // Российские университеты в XVIII – XX века. Воронеж, 1998, Вып. 3. С. 186—197; И. Д. Ковальченко – учёный, педагог, организатор науки, человек. // История и историки. 2006. М., 2007, С. 319—343.

И. Д. Ковальченко 1—2 дек. 2003 г. она выступала с сообщением о семинаре «Традиции русской исторической мысли».

Одним из значимых результатов работы семинара «Традиции исторической мысли» стало издание его трудов. К 2018 г. в общей сложности вышло 11 выпусков альманаха⁵⁸. Алла Ервандовна была ответственным редактором и составителем, автором предисловия первого выпуска сборника трудов научного семинара «Традиции русской исторической мысли»⁵⁹, членом редакционной коллегии во всех последующих выпусках, участвовала в сборниках со своими статьями⁶⁰.

Научное наследие Аллы Ервандовны Шикло стало органической и научно необходимой частью отечественной истории исторической науки, творческим развитием идей И. Д. Ковальченко. Оно, безусловно, занимает достойное место в ряду трудов по историографии второй половины XX – начала XXI века.

⁵⁸ См.: Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1997; Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999; История мысли. Историография. М., 2002; Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. М., 2005; Философия хозяйства. Специальный выпуск. Декабрь 2006. Часть 3. М., 2006; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. М., 2009; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 2. М., 2010; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 3—4. М., 2013; Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти профессора В. И. Злобина. Выпуск 5—6. М., 2018.

⁵⁹ В предуведомлении к первому выпуску «Традиций» ответственный редактор и составитель А. Е. Шикло писала: «Мы посвящаем этот сборник памяти И. Д. Ковальченко. Ему мы обязаны своим интересом к проблемам историографии и методологии исторического познания. Побуждая нас к постоянному интеллектуальному труду, он всегда любил подчёркивать, что никому не дано сказать последнее слово в науке».

⁶⁰ См.: О новой программе по историографии истории России. // Традиции русской исторической мысли. Историософия. М., 1999, С. 119 – 120; Концепция русской культуры К. Д. Кавелина. // История мысли. Историография. М., 2002, С. 73 – 80.

4. «Надёжному другу и товарищу по науке...»

Алла Ервандовна Шикло (20.03.1937 – 04.10.2014) была признанным специалистом в области истории русской исторической науки (историографии) XVIII – XX века.

Для неё было очень важным профессиональное общение, причём не только с близкими, по кафедре, университету, коллегами, но с коллегами из других вузов, городов, представителями других специальностей. Такое общение способствовало повышению эффективности взаимодействия частей единого научного и учебного процесса, обогащало новым опытом, позволяло увидеть и оценить спектр интеллектуального поиска, уточнить собственные позиции, оценить качество своей работы.

Сборники и монографии с инскриптами, открытки, письма, программы и материалы научных конференций из личного архива Аллы Ервандовны позволяют приблизительно очертить круг и содержание её профессиональных контактов.

В числе корреспондентов Аллы Ервандовны Шикло были учёные и преподаватели из Института российской истории РАН, РГГУ Историко-архивного института, РУДН, СПб. Государственного Университета, СПб. Горного института, государственных университетов Саратова, Казани, Волгограда, Брянска, Омска, Нижнего Новгорода, Воронежа, Сыктывкара, Уральского государственного университета (Екатеринбург), Дальневосточного государственного университета (Владивосток), Северо-Кавказского государственного технического университета Ставрополя, Курского государственного медицинского университета, Тульского государственного педагогического Университета, Оренбургского государственного института искусств, Челябинского педагогического университета, Приднестровского государственного университета (Тирасполь), Одесского национального университета, университета Днепропетровска, Чечено-Ингушского Гос. ун-та им. Л. Н. Толстого.

Содержание и формы профессиональных контактов были самыми разнообразными: взаимное рецензирование, консультации, публикация научных работ, подготовка диссертаций, обмен корреспонденциями, научной литературой.

Инскрипты и корреспонденции свидетельствуют о признании научного авторитета Аллы Ервандовны Шикло и безусловном уважении и доверии к ней как учёному и человеку, надёжному другу и товарищу по науке. Корреспонденты выражали сердечную благодарность Алле Ервандовне за искреннее, неформальное участие в их делах, за великодушную и бескорыстную помощь и поддержку в научной работе, в разнообразных житейских обстоятельствах, за неформальные рецензии на книги, статьи, диссертации. Они обращались к ней с просьбами о встречах и консультациях со своими учениками. Бывшие ученики Аллы Ервандовны консультировались по научным вопросам и ожидали оценки своих новых работ. Присутствуют в корреспонденциях и отклики на работы Аллы Ервандовны.

Американский учёный – профессор, биолог-биохимик Мартинас Ичас в предисловии к книге о своём отце выражал глубокую благодарность профессору Московского государственного университета Алле Шикло за ценные замечания и помощь при сборании архивного материала.

В логику профессионального взаимодействия, скорее даже профессионального содружества, были включены и ученики Аллы Ервандовны Шикло.

Показательна в этом смысле традиция, сложившаяся в рамках работы научного семинара «Традиции исторической мысли». Участники семинара на протяжении более чем пятнадцати лет ежегодно, накануне Нового года собирались в доме Аллы Ервандовны. За большим столом, который гости обеспечивали наравне с хозяйкой, отмечали приближение праздника, отчитывались о главных в своей жизни и профессиональной деятельности событиях уходящего года, делились впечатлениями о ярких явлениях в культуре и науке, планами, обсуждали про-

блемы философии и истории, и, конечно, вели приятные беседы «о всякой всячине». Иногда эти посиделки совмещались с полноценными заседаниями семинара – чтением и обсуждением научных докладов.

Алла Ервандовна была, без сомнения, носителем и проводником лучших традиций бытования профессионального сообщества историков, образцом для своих учеников. Опыт взаимодействия с ней в этом смысле – бесценен.

Основные труды А. Е. Шикло

- Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981
- Ковальченко И. Д. Шикло А. Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века. // Вопросы истории. 1982, №1, С.18 – 35;
- Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма. // История СССР, 1983, №5. С.106—122;
- Советская историография процесса превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск, 1984, С. 104—112;
- История русской исторической мысли последней трети XVIII-второй трети XIX в. в современной советской историографии (Некоторые дискуссионные проблемы). // История СССР, 1987, №4. С. 153—175;
- Методическая разработка к курсу «Историография российской истории» для студентов исторического факультета. М.,1993;
- Константин Сергеевич Аксаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 3, М.,1996, С. 14 -24;
- Он заставил думать над русскою историею: Иоганн Филипп Густав Эверс. // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996, С. 124 – 136;
- Был ли Нестор?: скептическая школа в русской историографии. // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996, С. 137 – 151;
- Михаил Осипович Коялович. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 4, М.,1997, С. 16 -23;
- Светлой памяти И. Д. Ковальченко. // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1997, №3. С. 19;
- Дмитрий Александрович Корсаков. // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 6, М.,1999, С. 58 – 66;
- Проблемы историографии в преподавательской и научной деятельности И. Д. Ковальченко. // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997, С. 157 —164;
- Чтения, посвящённые памяти И. Д. Ковальченко. // Отечественная история. 1997, №4. С. 209—213;
- Светлой памяти И. Д. Ковальченко. Он любил то, что преподавал, и тех, кому преподавал. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997, №3. С. 15—19;
- Академик И. Д. Ковальченко как профессор Московского университета. // Российские университеты в XVIII – XX века. Воронеж, 1998, Вып. 3. С. 186—197;
- Современные проблемы изучения истории исторической науки. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000, С. 285—296;
- Концепция русской культуры К. Д. Кавелина. // История мысли. Историография. М., 2002, С. 73 – 80;

- Исторические концепции М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова. // *Историография истории России до 1917 года. Уч-к для вузов под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003, Т.1, С.249 – 268;*
- Критическое направление в отечественной историографии 20 – 40-х гг. XIX в. И.-Ф.-Г. Эверс, Н. А. Полевой, М. Т. Каченовский. // *Историография истории России до 1917 года. Уч-к для вузов под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003, Т. 1, С. 220 – 248;*
- Государственная школа в русской историографии. К. Д. Кавелин. Б. Н. Чичерин. // *Историография истории России до 1917 года. Уч-к для вузов под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003, Т. 1, С. 291 – 314;*
- Н. Л. Рубинштейн. // *Энциклопедический словарь Московского Университета. Исторический факультет. М., 2004, С. 396 – 398;*
- (В соавторстве) *Историография // Историческая наука в Московском университете, 1755 – 2004. М., 2004, С. 245 – 261;*
- И. Д. Ковальченко. *Научные труды, письма, воспоминания. М., 2004;*
- *Историческая наука второй четверти XIX в. о предмете и задачах изучения прошлого. // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы научных чтений. М., 2006, С.92—104;*
- И. Д. Ковальченко – учёный, педагог, организатор науки, человек. // *История и историки. 2006. М., 2007, С. 319—343;*
- *Концепции отечественной истории в трудах русских историков 1830-1850-х годов. // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007, С. 206—217;*

- Наумова Г. Р., Шикло А. Е. *Историография истории России. М., 2008;*
- *Обзор учебной литературы по курсу «Историография отечественной истории». // Идеи академика И. Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2009, С. 237—243.*

5. И. Д. Ковальченко. Страницы биографии. Предвоенный период

Иван Дмитриевич Ковальченко появился на свет 26 ноября 1923 г. на хуторе Новеньком Прокоповского сельсовета Стародубской волости Стародубского уезда Гомельской губернии.⁶¹ Он был старшим из пятерых⁶² детей в традиционной русской семье, судьбу которой, как и судьбы многих и многих российских крестьянских фамилий, коренным образом изменила революция во всей полноте её социальных, политических и иных последствий.

В 1917—1918 гг. в Стародубе, одним из пригородов которого был и хутор Новенький, основательно похозяйничали и немецкие оккупанты, и гайдамаки гетмана Скоропадского. Значительная часть мужчин ушла в советскую зону в партизанские отряды. По окончании Гражданской войны политико-экономические мероприятия советской власти также не способствовали скорому и эффективному восстановлению крестьянского хозяйства.

В начале 1920-х гг. глава, тогда ещё малочисленного, молодого семейства, Дмитрий Минич, уехал на заработки в Москву. В 1924 г. он устроился рабочим на Московско-Донбасской железной дороге, определив, таким образом, свою будущность и будущность своих детей. В 1930 году Дмитрий Минич перевёз в Москву семью, которая была обустроена в том жильё, которое предоставляла своим рабочим московская железная дорога. Сначала это был барак, позднее бревенчатый дом у железной дороги в Гамсоновском переулке, рядом с Даниловым монастырём, где шесть душ семьи Дмитрия Минича Ковальченко располагались в двух небольших комнатках. Жили и тесно, и трудно. Мать Ивана Дмитриевича, Ефросинья Михайловна, тоже работала на пятой московской мебельной фабрике, остаться домохозяйкой она не могла себе позволить. Но, как известно, в тесноте, да не в обиде. По справедливому замечанию В. И. Бовыкина⁶³, «... тогда этому не придавали большого значения. Так жили все вокруг». И жили, надо добавить, «в буднях великих строек», скорее будущим, чем настоящим, как жила вся страна.

Будущее детей, конечно, было связано с хорошим образованием. В 1930 г. в СССР, помимо всеобщего обязательного начального образования для детей 8—10 лет, было введено и всеобщее обязательное семилетнее обучение в городах, фабрично-заводских районах и рабочих посёлках.

В положенный срок в рамках этой «обязательной программы» Иван Ковальченко учился последовательно в двух школах. Сначала это была начальная школа, по-видимому, ближайшая к дому, затем – школа-семилетка, которую он окончил в 1940 году.

Школьная жизнь Ивана Дмитриевича была, как положено, шумной, весёлой, исполненной духом коллективизма, романтикой строительства первого в мире социалистического государства. Кроме того, он был способным учеником и любил учиться. Особенно его привлекало точное знание и знание естественнонаучного цикла – математика и физика.

⁶¹ В различных документах, содержащих сведения о раннем периоде биографии И.Д. Ковальченко, присутствуют разночтения относительно территориально-административной принадлежности хутора Новенький (Стародубский уезд Гомельской губернии, Стародубский район Орловской области, Стародубский район Брянской области). Исследовательская литература принимает определение, которое предложено самим Иваном Дмитриевичем в его Автобиографии – Стародубский район Западной (Брянской) области. В действительности, с 1919 года Стародубский уезд из Черниговской губернии перешел в состав вновь образованной Гомельской губернии. В 1927 году в связи с ее расформированием – в состав Брянской губернии. В 1929 году Брянская губерния вошла в состав Западной области с центром в г. Смоленске, и Стародубщина перешла в его подчинение. В 1937 году Западную область разделили на Смоленскую и Орловскую. Территория Стародубщины вошла в Орловскую область, где и находилась до 1944 года, когда была образована Брянская область с центром в г. Брянске. В состав области был включён и Стародубский район.

⁶² У Ивана Дмитриевича, было два брата и две сестры. Младший из братьев умер в возрасте около четырёх лет в 1934 г.

⁶³ Бовыкин Валерий Иванович (1927—1998) – д.и.н., профессор, коллега И. Д. Ковальченко.

Ивану Ковальченко необходимо было продолжать образование, оканчивать среднюю школу, поступать и учиться в вузе по сердцу. Однако в среднюю школу по окончании семилетки он не пошёл. Его выбор был несколько иным – специальная артиллерийская школа.

Учебные заведения этого типа на систематической основе начали функционировать с 1938 года. Организация артиллерийских спецшкол была обусловлена необходимостью повышения образовательного уровня курсантов военных училищ, то есть, в ближайшей перспективе, командиров РККА в условиях значительного расширения сети военно-учебных заведений и серьёзной технологической работы в рамках военного строительства. Это было тем более необходимо, что, например, по данным на 1939 г. более 65% курсантов не имели среднего образования. Вместе с тем, именно артиллерии отводилась особая роль в ходе возможной войны.

В апреле 1938 г. под лозунгом «Молодежь, в артиллерию!» было проведено расширенное совещание в ЦК ВЛКСМ. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев призвал комсомол мобилизовывать своих лучших представителей в артиллерийские училища и специальные артиллерийские школы. В газете «Правда» от 11 апреля 1938 г. был опубликован очерк «Специальные школы для будущих командиров артиллерии», где, в том числе, содержался призыв к молодежи от учащихся 8—10 классов школ Киевского района Москвы поступать в артиллерийские военные училища. С 1 мая 1938 г. личный состав пяти московских артиллерийских спецшкол стал принимать участие в военных парадах на Красной площади, а в мае 1940 г. на экраны кинотеатров вышел фильм «Юность командиров» о воспитании будущих командиров Красной Армии в артиллерийской спецшколе, где прозвучала песня:

Пусть тот, кто бесстрашен и молод,
Кто любит советский народ,
Пусть с первых рядов комсомола
К орудиям грозным встает.

Посеянное легло в подготовленную почву, ведь школьные годы Ивана Ковальченко пришлись на тревожное время – «Если завтра война, если завтра в поход...» – гитлеризм в Германии, гражданская война в Испании, Хасан и Халкин-Гол, Советско-финская война. Кино, куда школьники бегали всем классом, дарило прекрасные образы советских военных – пограничников, лётчиков, танкистов, артиллеристов, надёжно защищающих свой народ от всякой беды. Не удивительно, что и комсомолец (с 1938 г.) Ковальченко совсем не исключал для себя армейское будущее.

Было ещё одно обстоятельство, которое в той или иной степени могло повлиять на решение продолжать обучение в артиллерийской спецшколе.

В 1940 г. постановлением СНК СССР с 1 сентября 1940 г. была введена плата за обучение для всех учащихся 8—10 классов средних школ, студентов вузов, техникумов и училищ. Решение мотивировалось возросшим уровнем материального благосостояния трудящихся и значительными расходами Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений. Совет Народных Комиссаров СССР признал необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся. В школах Москвы и Ленинграда, а также столичных городов союзных республик устанавливалась плата в размере 200 рублей в год, во всех остальных городах, а также селах – 150 рублей в год.

Спецшкола предоставляла возможность решить одновременно ряд задач.

Она давала бесплатное среднее образование и, более того, снимала с семьи своего ученика часть финансовой нагрузки. Учащимся спецшкол разрешалось в свободное от учебы время проживать дома, а вот для иногородних учащихся были созданы интернаты. Учащиеся спецшкол обеспечивались установленной специально для них военной формой. Для всех без исключения обучающихся предусматривался ежегодный 45-дневный лагерный сбор, во время которого они переходили на полное государственное довольствие.

Артиллерийская школа предлагала более высокий, чем в обычной средней школе, уровень образования. Обучение проводилось в соответствии с программами Наркомпроса, но к преподаванию привлекались лучшие педагоги общеобразовательных дисциплин. Вместе с тем, такие предметы, как математика, физика, химия, черчение и военное дело, изучались с ориентацией на программы артиллерийских военных училищ. Особое внимание уделялось изучению иностранного, как правило, немецкого языка. Постоянными гостями в спецшколах были популярные артисты, известные писатели и поэты, спортсмены.

Наконец, согласно основной задаче, спецшкола давала начальные военные профильные знания и формировала навыки военной жизни. Обучение военным предметам велось кадровыми командирами Красной Армии, среди которых были имеющие боевой опыт и награжденные орденами и медалями. Каждая из созданных артиллерийских спецшкол приравнивалась к войсковому подразделению типа дивизион. Туда назначались военные руководители из числа кадрового командного состава артиллерии Красной Армии. Обязанности командиров рот и взводов исполняли классные руководители из преподавательского состава. Старшины батарей, помощники командиров взводов и командиры отделений назначались из числа лучших учащихся, обладающих командными навыками. В период лагерного сбора курсанты практически осваивали артиллерийское и стрелковое оружие, вплоть до проведения учебно-боевых стрельб. В лагерях проводились занятия на местности по тактике и топографии.

Нетрудно представить, что поступить в артиллерийскую спецшколу было непросто. Количество соискателей значительно превышало возможности набора. Кандидатов в каждую спецшколу отбирали специальные комиссии. Жёсткие требования предъявлялись к знаниям по всем общеобразовательным дисциплинам и прежде всего по математике, физике, химии и иностранному языку. Необходимо было не только пройти медицинскую комиссию, но и продемонстрировать физическую подготовку на спортивных снарядах. Высоко оценивалось наличие спортивных знаков: «Готов к труду и обороне», Осоавиахима, «Ворошиловский стрелок», Парашютного спорта и других. Учитывался культурный уровень будущих командиров-артиллеристов.

Иван Ковальченко успешно преодолел вступительные испытания и поступил в московскую артиллерийскую спецшколу №5.

Он всегда очень хорошо учился, был одним из лучших и во время обучения в спецшколе, за что удостоился чести быть сфотографированным для опубликования фото на страницах газеты «Вечерняя Москва» в числе отличников московских школ. Он активно занимался спортом и к началу войны имел первый спортивный разряд по гимнастике.

Ивану Дмитриевичу Ковальченко не суждено было окончить полный курс артиллерийской спецшколы, и, следовательно, в срок получить среднее образование. 22 июня 1941 г. заставило пересмотреть не только все прежние планы, но перевернуло, без преувеличения, всю его жизнь. Ну а пока, как и большинство его товарищей, Иван Ковальченко участвовал в бурных комсомольских собраниях, слушал увещевания преподавателей о необходимости завершить школьное образование и... рвался на фронт.

6. «Пусть тот, кто бесстрашен и молод... к орудиям грозным встает»

Для несовершеннолетнего юноши (И.Д. род. 26 ноября 1923 г.) путь на фронт лежал через полноценное военное образование. Около двух месяцев, с сентября до начала ноября, он обучался в Рязанском артиллерийском училище, в октябре добился призыва Москворецким РВК в Красную Армию и за две недели до своего 18-летия ушёл на фронт⁶⁴.

Ему довелось принять участие в контрнаступлении советских войск под Москвой. Он воевал на Западном фронте, в составе 111 артиллерийского полка 49 армии. Сам он так характеризовал свой первый военный опыт: «Пребывание в зоне боевых действий на Западном фронте осенью 1941 г. было для меня кратковременным и печальным. Во время бомбёжки я был контужен и оказался в госпитале»⁶⁵.

За скупой формулировкой скрывается история о настоящих храбрости и достоинстве юного сержанта-артиллериста, проявленных 9 декабря 1941 г.

В Приказе №01/н о награждении И. Д. Ковальченко медалью «За боевые заслуги» в 1945 г. (за ранения) сообщается: «<...> Дата подвига: 09.12.1941 <...> при прорыве обороны противника в районе Верея под сильным огнём противника орудийный расчёт <...> выдвинулся на открытую огневую позицию и прямой наводкой уничтожил миномётный расчёт и два ДЗОТа противника. От разрыва снаряда противника 9 декабря 1941 года был контужен, но с поля боя не ушёл»⁶⁶.

Контузия, полученная Иваном Дмитриевичем, была тяжелейшей, но, кроме того, взрывом его перебросило через орудие. Итог – серьёзные повреждения в области внутренних органов. Далее, до февраля 1942 г., – госпиталь с переездами из Москвы во Владимир, затем в Горький (ныне Н. Новгород), и отпуск по ранению⁶⁷ до мая.

В конце мая 1942 года сержант Ковальченко вернулся в строй, но, возможно, по причинам, связанным с состоянием его здоровья, будучи годным к строевой, направлялся, однако, вплоть до марта 1944 г., в запасные подразделения РККА. Перспектива возвращения в действующую армию появилась в марте 1944 г., когда он был переведён в 7 гвардейскую десантную бригаду в должности помощника командира взвода. Бригада, по рассказам Ивана Дмитриевича, была направлена в Белоруссию и ожидала переброски в Польшу на помощь Варшавскому восстанию. Участия в боевых операциях тогда не случилось, но в период «ожидания» произошло очень важное для Ивана Ковальченко событие. В июне 1943 г. он стал кандидатом в члены ВКП (б), а в июле 1944 г. был принят в ряды партии большевиков.

Наконец, в январе 1945 г. он получил назначение в действующую армию, в батарею 76-миллиметровых пушек 351 гвардейского стрелкового полка 106 гвардейской стрелковой дивизии 9-й гвардейской армии⁶⁸

⁶⁴ Близкие Ивану Дмитриевичу люди свидетельствовали о том, что он признавался, что для, того, чтобы попасть на фронт, он прибавил себе возраст и делал это дважды – при поступлении в училище, и когда в училище шла запись в добровольцы

⁶⁵ Ковальченко И. Д. Научные труды, письма, воспоминания. – М., 2004, С. 477.

⁶⁶ Известия о наградах и содержание наградных документов И. Д. Ковальченко см. Подвигнарода.ру; Память народа.ру.

⁶⁷ Отпуск совсем не предполагал для И. Д. Ковальченко отдых. Он работал в Москве на 293 заводе столяром. Впоследствии в некоторых воинских документах профессию столяра он указывал как свою гражданскую специальность.

⁶⁸ 9-я гвардейская армия была сформирована в январе 1945 г. на базе управления 7-й гвардейской армии и гвардейских соединений военно-десантных войск. Таким образом, с учётом службы в 7-й гвардейской десантной бригаде в 1944 г. Иван Дмитриевич Ковальченко справедливо именуется коллегами-исследователями десантником-артиллеристом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.